БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

А.А. Красиков

ВАТИКАН 2000 ЛЕТ СПУСТЯ. РИМО-КАТОЛИЧЕСТВО МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

МОСКВА 2012

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт Европы РАН
Российской академии наук

А.А. Красиков

ВАТИКАН 2000 ЛЕТ СПУСТЯ. РИМО-КАТОЛИЧЕСТВО МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Доклады Института Европы
№ 281

Москва 2012

УДК 272(456.31)(091)
ББК 86.375г(4Ват)
К78

Под редакцией Ал.А. Громыко

Рецензенты:
Коваль Татьяна Борисовна, д.и.н.
Шмелёв Николай Петрович, академик РАН

Номер государственной регистрации: № 01200905006
«Россия в многообразии мировых цивилизаций»

В подготовке материалов к печати принимала участие
Е.В. Дрожжина

Красиков А.А. Ватикан 2000 лет спустя. Римо-католичество между прошлым и будущим = Vatican 2000 years after. Roman Catholicism between the past and the future / А.А. Красиков. – М. : Ин-т Европы РАН : Рус. сувенир, 2012. – 104 с. – (Доклады Института Европы = Reports of the Institute of Europe / Федеральное гос. бюджет. учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук ; № 281). – Парал. тит. л. англ. – ISBN

Очередной доклад Института Европы РАН посвящён самой круп-ной христианской конфессии – католичеству (1,2 млрд верующих). Какую роль сыграла в истории Европы и всего мира и какую готовит-ся сыграть в будущем Римская католическая церковь? На этот вопрос отвечает российский историк и религиовед.

ISBN

Russian Academy of Sciences

Institute of Europe RAS

A.A. Krasikov

VATICAN 2000 YEARS AFTER. ROMAN CATHOLICISM BETWEEN THE PAST AND THE FUTURE

Reports of the Institute of Europe
№ 281

Moscow 2012

Аннотация

История христианства насчитывает 2 тыс. лет, но лишь совсем недавно, в середине XX в., последователи этой религии приблизились к кардинальному повороту в отношениях между собой и, что не менее важно, с окружающим их внешним миром. Столетие за столетием европейцы, как и жители других континентов, были очевидцами и вынужденными участниками драматических конфликтов, в возникновении и раздувании которых существенную роль играл религиозный фактор. И лишь теперь, после Второго Ватиканского собора Римско-католической церкви (21-го Вселенского, по хронологии РКЦ) впервые происходит реальный пересмотр подхода христиан к духовным исканиям внутри их собственных структур, к сосуществованию, диалогу и сотрудничеству с инаковерующими и неверующими жителями нашей планеты. Важную, во многом решающую, роль в этом играют католики, чья церковь насчитывает больше членов, чем все остальные христианские структуры, вместе взятые. Теме «aggiornamento» (обновления) духовной практики и реальной политики Римско-католической церкви и Государства Град Ватикан во второй половине минувшего и в начале нынешнего века посвящается настоящий доклад.

Annotation

The history of Christianity started two thousand years ago. But only as far back as in the middle of the XX century its followers reached a turning point in relations among themselves and, what is not less important, between themselves and the rest of the world. Century after century Europeans, as inhabitants of other continents, witnessed and participated in dramatic conflicts, in which genesis and expansion the religious factor played a significant role. And only the II Vatican Council (XXI Ecumenical Council according to the chronology of the Russian Orthodox Church) ushered in the genuine review of Christians' approach to spiritual quest in their own community, to coexistence, dialogue and cooperation with followers of other faiths and with atheists. The important and often pivotal part in this review belong to Catholics, whose Church encompasses more members than other Churches combined. The theme of «aggiornamento» (renewal) of spiritual practice and practical politics of the Roman-Catholic Church and the Holy See in the second part of the last century is in the focus of this work.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ВВЕДЕНИЕ

> Значение личности Папы Римского Иоанна XXIII в процессе кардинальных перемен, выразителем которых явился Второй Ватиканский Собор, трудно переоценить. Иоанн XXIII стал движущей и вдохновляющей силой преобразований, влияние которых не ограничилось рамками внутренней жизни Римско-Католической Церкви, но отразилось на всём комплексе межхристианских, межрелигиозных и международных отношений.
>
> Особенно хотелось бы отметить те позитивные результаты, которые Второй Ватиканский Собор, под руководством папы Иоанна XXIII, принёс в сфере отношений между католиками и христианами иных конфессий. Это был решительный поворот от конфронтации к диалогу и сотрудничеству. И сейчас наша задача, и православных и католиков, состоит в том, чтобы сделать всё от нас зависящее, дабы, несмотря на все сложности и проблемы, остающиеся между нами, не угас тот импульс, который был дан нашим взаимоотношениям Вторым Ватиканским Собором.
>
> В эпоху важных перемен в жизни Римско-Католической Церкви, от её Предстоятеля требовались большое мужество и решимость. Эти качества были сполна явлены Папой Иоанном XXIII. Роль личности в истории огромна. Будем же помнить, что часто от всех нас, каждого на своём месте, зависит то, чтобы великие деяния великих людей не уходили в безвозвратное прошлое, а приносили изобильные благие плоды во славу Бога.
>
> Председатель ОВЦС митрополит Кирилл
> (ныне Патриарх Московский и всея Руси)

Приведённая выше цитата взята из приветствия Патриарха Кирилла, в тот момент митрополита Смоленского и Калининградского, председателя Отдела внешних церковных связей Русской православной церкви (РПЦ), организаторам и участникам международной конференции «Иоанн XXIII и современный мир». Конференция эта состоялась в декабре 2000 г. в Институте Европы РАН при участии не только российских, но и зарубежных религиозных деятелей, дипломатов и учёных-ватиканистов. Её приветствовали почётный префект Конгрегации по вопросам восточных церквей Римско-католической церкви (РКЦ) кардинал А. Сильвестрини и председатель Европейской

комиссии Р. Проди, с основным докладом выступил председатель Папского комитета по празднованию 2000-летия христианства кардинал Р. Эчегарай, доклады представили сотрудники Папского совета «Мир и справедливость», Секретного архива Ватикана, крупнейшие итальянские учёные-ватиканисты. От имени РПЦ с докладами выступили епископ (ныне – митрополит) Иларион (Алфеев) и протоиерей Всеволод Чаплин. Ещё два десятка россиян внесли в дискуссию свой вклад как в устной, так и в письменной форме.

Перелистывая томик с материалами этой научной встречи[1], коллективные и авторские монографии её участников, составитель представляемого читателям доклада ИЕ РАН вспоминает тот знаменательный день, когда он, молодой журналист-международник, стал свидетелем знаменательного события, которое вошло в историю и, как выразился Патриарх Кирилл, «отразилось на всём комплексе межхристианских, межрелигиозных и международных отношений». А на следующее утро в Москве читатели «Правды» и «Известий» смогли прочитать сообщение, в котором говорилось:

«ВАТИКАН, 11 октября. Спец. корр. ТАСС передаёт: Сегодня в ватиканском храме св. Петра открылся Вселенский собор римской католической церкви. Нынешний собор, как и предыдущий 92 года назад, собирается в Ватикане и поэтому получил название второго ватиканского собора. В нём должны принять участие 2,5 тыс. сановников католической церкви из различных стран мира. Участникам собора предстоит обсудить большое количество вопросов, касающихся главным образом церковной догмы и ритуалов. Наряду с этим, несомненно, будут затронуты и вопросы, связанные с современной международной обстановкой. Именно эта часть работы собора привлекает наибольшее внимание многочисленных обозревателей, собравшихся сейчас в Риме. Известно, что нынешний папа римский Иоанн XXIII неоднократно высказывался в пользу мира, против гонки атомных вооружений и за решение спорных международных вопросов путём переговоров. Какую позицию займёт по всем этим

---

[1] Иоанн XXIII и современный мир: христианское свидетельство, сосуществование и сотрудничество. М., Интердиалект, 2002. – 418 с.

вопросам наиболее авторитетное собрание руководителей католической церкви?».

«Известия» оборвали сообщение ТАСС на этих словах, «Правда» сократила его в ещё большей степени, но прозвучавший в нём вопрос оставался без ответа до конца собора, закончившегося четыре с лишним года спустя, в декабре 1965 г. Сегодня в нашем распоряжении имеются и заключительные постановления этого форума, и документы из ватиканских, советских и некоторых других архивов, и целые тома мемуаров участников события полувековой давности, и обширная научная литература, особое место в которой занимает фундаментальная пятитомная «История II Ватиканского собора, к работе над которой был привлечён и автор этих строк. Он же теперь попытается, преодолев временное пространство протяжённостью в полвека, дать свой собственный ответ на вопрос, сформулированный в тассовской заметке от 11 октября 1962 г.

1. ЦЕРКОВЬ СВЯТЫХ И ГРЕШНИКОВ

Первое тысячелетие. Название этой главы навеяли автору размышления нынешнего Папы римского Бенедикта XVI, который, будучи молодым профессором теологии, выпустил в 1968 г. книгу «Введение в христианство», сразу же ставшую мировым бестселлером и опубликованную на русском языке с предисловием Патриарха Кирилла, рекомендовавшего её «православному читателю, а также всем верующим во Христа и ещё только ищущим путь к Истине». Автор доклада неоднократно цитировал эту книгу и считает уместным привести из неё несколько строк, имеющих непосредственное отношение к теме нашего исследования: «Столетия церковной истории с переизбытком говорят о всяческой её слабости и несостоятельности, и нам вполне понятны и мрачные видения Данте, видевшего блудницу Вавилонскую, восседавшею в колеснице Церкви, и пугающие слова епископа парижского Гийома (XIII в.) о том, что Церковь настолько одичала, что всякий, узревший это, повергается в оцепенение и ужас… Единая скала Господа раскололась между враждующими партиями на много церквей, каждая из которых

в той или иной мере притязает быть единственной. В результате для многих сегодня Церковь сделалась главным препятствием на пути к вере. Они могут видеть в ней лишь человеческое стремление к власти, мелочной театр, разыгрываемый теми, кто, притязая управлять зданием христианства, на деле лишь служит помехой для истинного духа христианства... Именно Господня святость присутствует в Церкви, и сосудом своего присутствия в парадоксальной любви она избирает нечистые руки людей».

История ранней церкви подробно изложена во множестве письменных источников, в том числе появившихся задолго до изобретения Гутенбергом печатного станка в середине XV в. Основным хранилищем материалов по истории последующих (а отчасти и предыдущих) столетий папства является Секретный архив Ватикана. Сбор и систематизация этих материалов начались при Папе Иннокентии III (годы пребывания на престоле: 1198–1216). Установленный много веков тому назад и строго соблюдаемый по сей день порядок регистрации документов архива исключает или, по крайней мере, максимально ограничивает возможность манипулирования текстами, их сокрытия или подмены в чьих-то личных или корпоративных интересах. Рукописные журналы регистрации документов со сплошной нумерацией и кратким описанием единиц хранения, сохранили для истории всё, что только можно было сохранить. Сначала на папирусе, потом на бумаге различного химического состава и, наконец, на жёстких дисках компьютеров.

Отметивший в 2011 г. столетие своего ежегодного выпуска справочник «Annuario Pontificio» открывается полным перечнем всех признанных церковью епископов Рима, которые сменяли друг друга на Апостольском престоле. Название этого престола, именуемого также Святым и Папским, связано с памятью об апостоле Петре из Вифсаиды Галилейской и словами Христа, приведёнными в Евангелии от Матфея: «Я говорю тебе: ты – Пётр (камень), и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют её; и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» (Мф. 16. 18-19). В краткой справке ежегодника сообщается, что этот апостол

обосновался сначала в Антиохии, а затем на протяжении 25 лет жил в Риме, где принял мученическую смерть в 64 или 67 г. Там же погиб и его брат апостол Павел.

Первые христиане пережили несколько волн репрессий, которые чередовались с периодами терпимости, когда христианские общины существовали открыто, могли приобретать недвижимость, воздвигать церковные здания, проводить богослужения и даже создавать собственные школы. Римская империя была в значительной степени правовым государством, её нельзя просто обвинить в беззакониях, тем более в беззаконных жестокостях, пишет католический историк Йозеф Лортц, добавляя: «Частичной реабилитацией языческого государства слава мучеников не умаляется, но возрастает. Они добились победы не только над нелепыми сказками, но и над фундаментальными представлениями, на которых зиждилась могучая Римская империя, обратили в христианский мир, который, хотя и был ветхим, ещё нёс в себе силу».

Христианские общины славились нравственной чистотой и братской любовью, что подтверждается и языческими авторами (Плиний, Лукиан, Гален). Прегрешение против нравственности искупалось церковным покаянием. За тяжкими грехами следовало публичное исповедание греха и публичное покаяние. Наряду с «официальной» практикой покаяния, которая имела силу для каждого христианина, появлялась возможность индивидуального духовного руководства: удручённый грехами человек обращался за советом, помощью и заступничеством к своему «духовному отцу», который приводил его к покаянию и тем самым к отпущению грехов. В IV в. в Египте и Сирии появляются первые монашеские поселения. Сначала это были маленькие хижины, развалины старинных сооружений и даже отдельные природные убежища. Позднее рядом с ними стали возникать отвечающие требованиям совместной жизни монастырские помещения. Официальным языком литургии был греческий, что объяснялось происхождением большинства первых христиан – выходцев из эллинизированной антиохийской иудейской общины (так же как в Армении на армянском и в Египте на коптском). Даже в Риме латынь установилась в качестве богослужебного

языка только после переезда императора Константина, этнического грека (гражданское имя – Konstantinos Chloros), в новую официальную резиденцию на берега Босфора.

Произошло это в 326 г., а годом раньше в городе Никея (совр. Изник, Турция) состоялся созванный Константином Первый Вселенский собор, решения которого дошли до нас, благодаря трудам церковных историков IV–V вв. Об этом соборе вспоминают главным образом в связи с принятием на нём Символа веры христиан, признанием ошибочности богословских взглядов александрийского пресвитера Ария (отрицавшего единосущность Сына Божьего Богу Отцу) и утверждением привилегий древних епископских кафедр. Между тем, тот же собор принял ещё одно важное решение, которое было тут же перечёркнуто начавшимся огосударствлением церкви. Вот его текст, возвращённый к жизни из небытия Львом Толстым буквально в канун великих потрясений XX в.: «Благодатию призванные к исповеданию веры и первый порыв ревности явившие и отложившие воинские поясы, но потом, аки псы, на свою блевотину возвратившиеся… таковые 10 лет да припадают к Церкви, прося прощения, по трилетнем слушании Писания в притворе».

Официальные структуры христианства – и на Западе, и на Востоке – единодушно игнорировали это постановление Вселенского собора, как если бы его не существовало вообще. А вскоре новая вера превратилась в государственную религию, началось постоянное вмешательство светских властей в церковную жизнь и борьба с инакомыслящими с применением всех средств, которыми располагает государство. Светские владыки претендовали на право назначать и смешать епископов (правопреемников первых апостолов). Они же созывали высшие собрания церковных иерархов (руководителей) и диктовали им свою волю. Возникновение всё новых внутрицерковных «нестроений» стало особенно частым явлением после того, как в 395 г. Римская империя разделилась на Западную (со столицей в Риме) и Восточную (со столицей в Константинополе).

Роль хранителей истины христианства приняли на себя монастыри. Вслед за восточным появилось и западное монашество. Его родоначальником принято считать святого Бенедикта

Нурсийского, который создал в 529 г. обитель Монте-Кассино в одном из самых живописных мест Апеннинских гор. Распространению монашества способствовал Папа Григорий I, обязавший епископов использовать устав св. Бенедикта при организации новых монастырей и монашеских орденов, которые сыграют впоследствии большую роль в евангелизации Европы.

В VI в. Западная (Римская) Церковь в одностороннем порядке добавила к «Символу веры» утверждение, согласно которому Святой Дух исходит в равной степени от Бога-Отца и от Бога-Сына. Восточная (Константинопольская) Церковь не согласилась с этим добавлением (вошедшим в историю под именем «филиокве» – и от Сына), сохранив верность принятой ранее формулировке, согласно которой Бог-Отец предвечно рождает Сына, но лишь от Отца исходит Дух истины, или Святой Дух. Спор о «филиокве» предвосхитил поистине глобальный раскол церкви – разделение на католиков и православных, которое произошло в 1054 г. и не преодолено по сей день.

От разделения церквей до реформации. Последовавшие столетия вплоть до реформации были отмечены формированием основ европейской христианской идентичности. Быстро развивалось народное образование, чему способствовало создание университетов. Городами-пионерами в деле овладения вершинами научного знания стали Болонья (XI в.), Оксфорд и Париж (XII в.), Кембридж, Монпелье, Неаполь, Падуя, Тулуза, Саламанка (XIII в.), Вена, Гейдельберг, Краков, Прага (XIV в.), Базель и Лейпциг (XV в.). Для сравнения: в Украине первым православным вузом стала Киево-Могилянская академия (1632 г.), в России первые университеты появились только в XVIII в., сначала в Санкт-Петербурге, а потом и в Москве. Наряду с образованием, христианская Европа уделяла большое внимание становлению и развитию своей культуры в самых различных её проявлениях, включая архитектуру, изобразительное искусство и литературу (годы жизни Данте – 1265–1321!).

К сожалению, однако, практически одновременно с соучастием в разделении христианства в XI в. западные христиане совершили ещё одну роковую ошибку (на церковном языке – грех, по определению мусульманских историков – преступле-

ние). Они предприняли крестовые походы на Ближний Восток, которые окончились неудачей, а один, четвёртый (1202–1204), нанёс тяжёлую рану и братьям по вере – православным, которые отныне рассматривались католиками как враги. Крестоносцы завоевали Константинополь, и этот город был самым варварским образом разграблен. Потери человеческих жизней и культурных ценностей были ужасающими. Созданная крестоносцами Латинская империя просуществовала всего полвека, однако изгнавший католиков из Константинополя византийский император Михаил VIII, сочтя этот момент подходящим для переговоров с Римом о восстановлении единства, предложил ещё раз совместно обсудить богословский вопрос об исхождении Святого Духа от Бога-Отца. Переговоры были проведены, после чего состоявшийся в 1274 г. в Лионе собор провозгласил «унию» (единство) католиков и православных на условиях подчинения Папе, но Константинопольский патриархат своего императора не поддержал, после чего обе церкви его от себя отлучили, а после смерти даже отказали в церковном погребении. Неудачной оказалась и вторая попытка создать «унию», предпринятая в 1438–1439 гг., незадолго до захвата Константинополя турками. Православные увидели в ней проявление желания Пап подчинить себе восточное христианство.

Аналогичные чувства по отношению к католицизму испытывала и значительная часть арабов-мусульман, не забывших не только о крестовых походах, но и о финале «реконкисты» – обратного завоевания католиками большей части Пиренейского полуострова в конце XV в. Сдаваясь в 1492 г. на милость победителей, они рассчитывали на выполнение «католическими королями», как называли в Испании чету Фердинанда и Изабеллы Кастильских, обещания сохранить поверженным жизнь и право исповедовать религию предков. Вместо этого сложившим оружие мусульманам, а заодно и мирно сосуществовавшим с ними при халифах евреям был предъявлен ультиматум: принять христианство или убираться вон из страны, которая за несколько столетий стала для них родиной. Согласившихся креститься арабов (их переименовали в морисков) и евреев (для них было выбрано имя маранов) постоянно подозревали в неискренности,

окружили тотальным шпионажем и в массовом порядке предавали суду церковной инквизиции.

Такой же жестокостью сопровождалось покорение Америки. Уже в то время внутри церкви нашёлся смелый человек – епископ Лас Касас, который в 1515 г. охарактеризовал официальный тезис того времени об «изначальной греховности индейцев» и насилия, которыми сопровождалось их обращение в католичество, как преступление. Его книга-дневник 300 лет находилась в испанских архивах на специальном хранении, прежде чем стала достоянием гласности.

Тем временем назревал ещё один поворот в истории христианства, который ознаменовался отпадением от католичества новой самостоятельной конфессии – протестантизма. Его предтечей выступил ректор пражского Карлова университета Ян Гус, чьи годы жизни приходятся на рубеж XIV и XV вв. Он стал первым, кто публично осудил ставшую повседневной практикой торговлю церковными должностями, продажу индульгенций (отпущения грехов за деньги), потребовал возврата к традициям раннехристианских общин. Обвинённый в ереси Гус был вызван на Констанцский собор, осуждён и в 1415 г. сожжён на костре. А 100 лет спустя РКЦ, которая, пережив это испытание, казалось, прочно утвердилась почти на всем европейском континенте (за исключением восточной и юго-восточной его частей, где изначально господствовало православие), столкнулась с новым мощным движением протеста против политики и прак-тики папства – протестантизмом. Хотя на самом первом этапе этого движения его знаменосец немецкий священник и монах Мартин Лютер писал в личном письме Римскому первосвящен-нику Льву X, что даже не помышлял восставать ни против Пон-тифика, ни против церкви. Логика борьбы, в которую сразу же включилось множество сторонников Лютера и большое число других богословов и идеологов реформации, привела к взрыву, потрясшему католичество в самих его основах.

По Европе прокатилась волна войн и восстаний, потрясших до основания феодальные порядки и подготовивших торжество капиталистических отношений. Но на поверхности развернувшаяся борьба часто выглядела как состязание различных веро-

исповеданий. В ходе вспыхнувшей на континенте военных действий крайняя жестокость проявлялась со всех сторон. Католики пытают и жгут протестантов, протестанты отплачивают им той же монетой. «Все эти люди, – констатировал итальянский исследователь церковной истории и права Ф. Руффини, – добивались терпимости только для истинного учения..., в конечном счёте, только для самих себя». Контролировать эту истинность, в соответствии с буллой Папы Павла III «Licet ab initio» от 21 июля 1542 г., было поручено специальной комиссии кардиналов, преобразованной в 1588 г. в Священную конгрегацию вселенской инквизиции (с 1905 по 1965 г. – Конгрегация Священной канцелярии).

Под знаменем Тридента. Итоги борьбы с протестантской реформацией подвёл церковный собор, заседавший с декабря 1545 по апрель 1552 г. (с 5-летним перерывом между мартом 1547 и маем 1551 г.) в североитальянском городе Тренто (по латыни – Тридент). В 1564 г. Папа утвердил его решения, подтвердив свой поставленный, было, под вопрос примат над правами и привилегиями епископов. Своего рода путеводителем или наставлением для католиков стал впервые выпущенный в 1559 г. Индекс запрещённых книг. Последнее издание Индекса с предисловием, которое для него написал секретарь Конгрегации Священной канцелярии кардинал Мери дель Валь, хранится в личном архиве автора настоящего доклада и позволяет по достоинству оценить творчество предшественников советского Главлита. Не будем перечислять имена тех, чьи сочинения католикам полагалось сжигать, не читая, отметим лишь широту диапазона этих имён – от Абеляра и Данте до (в последнем издании) Жана-Поля Сартра. Нет поэтому ничего удивительного в том, что с наступлением новой эпохи крупные представители интеллектуальной элиты (Локк в Англии, Вольтер, Гольбах, Дидро, Монтескьё, Руссо и другие во Франции, Гёте, Лессинг и Шиллер в Германии, Джефферсон и Франклин в Северной Америке) выступили под знаменем просвещения, идейно подготовив такие исторические события, как провозглашение Декларации независимости США (1776) и Французская революция (1789).

Вскоре после Тридента Латинская церковь всерьёз задума-

лась о возможности компенсировать потерю чуть ли не половины паствы в Западной Европе привлечением на свою сторону той части православных, которая была на грани согласия перейти от подчинения «Третьему Риму», на практике светским владыкам московского Кремля, под омофор наднационального папства. После неудачи «лионской» и «флорентийской» уний на горизонте обозначилась перспектива союза с православными бывшей Киевской Руси. К этому времени они юридически оставались паствой Константинопольской церкви, но на практике после исчезновения Византийской империи жили самостоятель-ной жизнью на территории, которая контролировалась Османской империей и польско-литовским государством.

9 октября 1596 г. в один день в Бресте на Буге состоялись два православных собора, один из которых провозгласил унию (переход Украинской церкви под омофор Папы Римского), а второй – предал униатов анафеме. Официальный историк русского православия митрополит Макарий отмечает в своём многотомном труде, что уния не была бы введена без «решительного участия» Сигизмунда III, однако признаёт, что тот «был самым сильным», но «не главным виновником унии»: идея перехода под юрисдикцию Папы, по словам митрополита, родилась внутри украинской православной митрополии, которая принадлежала к Константинопольской церкви и в тот момент переживала кризис идентичности. И так уж случилось, что в том же году на свет появился самый неординарный представитель восточного христианства своей эпохи Пётр Могила. Прожив всего 50 лет, он успел за короткое время поднять православие в Украине на недосягаемую высоту, отверг униатство и предложил другой путь к восстановлению единства христиан: признание духовного (но не юридического) первенства римских Пап при сохранении канонического общения с Константинопольским па-триархатом и другими православными церквами. «Эта идея, – подчёркивает известный итальянский эксперт по истории и цер-ковному праву профессор Дж. Кодевилла, – сохранила свою ак-туальность и в наши дни». Однако к её серьёзному восприятию в массе своей не были готовы тогда (как не готовы и сейчас) ни католики, ни православные.

Ещё одна заслуживающая внимания попытка привести православие под омофор папства была предпринята в середине XIX в. Пием IX. Через два года после коронации он адресовал православным патриархам энциклику «In suprema Petri Apostoli Sede», по своему тону напоминавшую поучения строгого отца блудным детям: «Слушайте Наше слово все вы, кто в странах Востока и сопредельных странах славит себя именем христиан, но не имеет никакого общения со св. Римской Церковью… Обдумайте и вспомните древнее состояние ваших церквей и рассмотрите, не содействовал ли кто-либо из вас произошедшему впоследствии разделению… Нет никакого разумного основания, которым вы смогли бы надёжно оправдать невозвращение к истинной Церкви и общению со Святым Нашим престолом. Мы не опечалили бы вас, но, по неизменному порядку Нашего Святого престола и по отцовскому радушию, встретили бы вас с большой любовью». Ответ патриархов не заставил себя ждать. Констатировав, что папа даже не назвал ни одного из них поимённо, они подчеркнули, что папе должны быть известны причины, «по которым Западная Церковь, оставшись при своих нововведениях, расторгла священный узел, скреплявший её с Восточной Церковью, которая и прежде, и по изменении политических обстоятельств, и под оттоманскою властью ничего не изменила в первоначальных постановлениях».

16 лет спустя, в 1864 г., тот же Папа опубликовал (в приложении к энциклике «Quanta cura») знаменитый «Силлабус», или «Перечень главных заблуждений нашего времени». Среди 80 «заблуждений» в нём числились: либерализм, рационализм, протестантизм, свобода науки и философии, взгляд на государство как на источник права, отделение церкви от государства и многое другое. А дальше был Первый Ватиканский собор Римско-католической церкви (1869–1870 гг.), который создал новые препятствия на пути к сближению католиков с православными, не говоря уже о протестантах. В принятой им Догматической конституции «Pastor aeternus» заявлялось, что «Святой Апостольский престол и Римский Папа обладают “безошибочностью” (в другом переводе – “непогрешимостью”) и первенством надо всем на Земле». После чего заявлялось: «Если кто-либо гово-

рит, что Папа Римский имеет лишь обязанность контроля или указания, а не полную и верховную юрисдикцию надо всей Церковью не только в том, что касается веры и нравственности, но и в том, что касается порядка и управления Церковью, распространённой по всему миру, или что он обладает одной лишь важной частью этой власти, а не всею её полнотой, или что его власть не является ни обычной, ни непосредственной надо всеми и каждой в отдельности Церквами, как надо всеми и каждым в отдельности пастырями и верными, “то он” должен быть предан анафеме».

Собор остался незавершённым, так как был прерван победой борцов за воссоединение Италии. 20 сентября 1870 г. их отряды взяли штурмом Рим, который тут же был объявлен столицей Итальянского королевства. Папа лишился светской власти и объявил себя «ватиканским узником». Тем временем решения собора подверглись жёсткой критике со стороны не только протестантов и православных, но и части самих католиков. Вышедшие из подчинения Понтифику его недавние единоверцы создали тогда «параллельную» старокатолическую церковь (правда, очень малочисленную), которая существует и по сей день.

После смерти Пия IX папский престол занимали Лев XIII (1878–1903), Пий X (1903–1914), Бенедикт XV (1914–1922) и Пий XI (1922–1939). С именем первого из них связана некоторая «оттепель» в отношениях католиков с внешним миром и публикация в 1891 г. энциклики «Rerum Novarum», которая заложила основы социальной доктрины католичества. Второй – Пий X – вернулся к «закручиванию гаек», развернув борьбу с «модернизмом» (этот термин, не получивший чёткой смысловой расшифровки, использовался часто в тех же случаях, в каких в настоящее время руководители РКЦ и РПЦ используют слово «либерализм»). Бенедикт XV стал свидетелем Первой мировой войны и крушения четырёх империй; Российской, Германской, Австро-Венгерской и Оттоманской. При нём на востоке Европы родился тоталитарный режим государственного атеизма, а на западе были зачаты уравновешивающие его антиподы: итальянский фашизм и германский национал-социализм. Пий XI осу-

дил все три формы тоталитаризма, что, впрочем, не помешало ему заключить конкордаты с Муссолини и Гитлером.

Последний Папа анафем. Последним в протянувшейся через века цепочке дособорных Пап («дособорных» в избранной нами системе координат означает: занимавших кафедру святого Петра до Второго Ватиканского собора) оказался выходец из старинного аристократического рода римлянин Пий XII (в миру – Эудженио Пачелли), чей понтификат (1939–1958) пришёлся на годы Второй мировой войны и 13 первых послевоенных лет. Он стал жертвой обстоятельств, противостоять которым оказалось выше его сил. В марте 1939 г., когда немецкие войска вступили в Чехословакию, Ватикан воздержался от осуждения совершённого Гитлером акта агрессии. Через три дня после расчленения этой католической страны официальный орган Святейшего престола газета «Оссерваторе романно» писала: «В наши задачи не входит – да и не время – анализировать суть происходящего». 1 сентября 1939 г. началась вторая мировая война. На следующий день, сообщая об этом, «Оссерваторе романно» ограничилась выражением сожаления в связи с тем, что «цивилизованные народы скрестили оружие и проливают кровь». Когда же к гитлеровскому вермахту присоединились солдаты Муссолини, епископ Колли предложил «молиться, прося Господа благословить нашу дорогую родину и взять под своё покровительство сынов Италии, вступивших в героическую борьбу».

В 1939–1945 гг. Святой престол испытывал опасения по поводу обоих возможных исходов Второй мировой войны. Постоянно колебавшийся (по словам одного из самых приближённых к нему сотрудников курии Доменико Тардини) Пий XII боялся, что в случае победы Гитлера Европа христианская окажется перед фактом разгула нацистского фанатизма, победа же союзников могла обернуться распространением советского атеизма, противовесом которому стала бы Англия с её давнишним антипапизмом. На последнем этапе войны Папа пытался уговорить Франклина Д. Рузвельта отказаться от требования безоговорочной капитуляции Германии. А после её окончания переключился на поддержку идеи создания мощного военно-политического блока западных держав под эгидой США. 19 июля 1948 г. он

пишет Трумэну, что «исход фатальной борьбы того, что ещё остаётся от свободного мира, с безбожным тоталитаризмом зависит от Соединённых Штатов».

В эти же годы Пия XII посещает мысль о возобновлении работы Ватиканского собора 1869–1870 гг., прерванного победой сторонников объединения Италии в их войне с папством. Одним из главных разработчиков этого проекта выступает асессор Конгрегации Священной канцелярии Альфредо Оттавиани, уже приобретший известность, благодаря долголетней работе на руководящих постах в Римской курии, а также в связи со своими инвективами по адресу движений священников-рабочих во Франции, католиков-коммунистов в Италии и теологов-прогрессистов в ФРГ и Бельгии. После того как Пий XII дал ему «совершенно секретное» поручение подготовить материалы к созыву собора, Оттавиани представил Папе проект циркулярного письма всем католическим епископам, начинавшийся словами: «Мусорная свалка ошибок и разделений внутри церкви и общества, которые почти 80 лет назад обусловили необходимость проведения Вселенского Ватиканского собора, не только не исчезли, но стали ещё более опасными. И поскольку причины, побудившие Пия IX приостановить собор, более не существуют, счастливо царствующий ныне святейший отец Пий XII считает целесообразным и достойным высшей пасторской заботы делом созвать вновь эту ассамблею и довести её, наконец, до решения назревших проблем». В письме говорилось о необходимости исправить ошибки богословского характера и осудить тех, кто вступает в сговор с некатоликами, в том числе с коммунистами. Проект этот не осуществился, а Оттовиани в 1953 г. был вознаграждён возведением в кардинальское достоинство.

По поручению Папы в 1949 г. Конгрегация Священной канцелярии выпустила декрет об отлучении от церкви коммунистов и им сочувствующих. Этот абсолютно бесполезный для РКЦ документ (он ни в малейшей степени не повлиял на расстановку политических сил в Италии и других странах Запада, не говоря уже о внутренней и внешней политике СССР) в конечном итоге нанёс ущерб самому Святому престолу, дав противникам Пия XII новый аргумент для обвинений Ватикана в маккартиз-

ме. Сполна использовала его и официальная сталинская пропаганда, получившая ещё один аргумент в поддержку тезиса о союзе папства с американским империализмом.

А в адрес самого Пия XII начали выдвигаться обвинения в неоправданном молчании перед лицом преступлений, совершавшихся нацифашистами во время Второй мировой войны, и прежде всего – в связи с шоа, массовым убийством 6 млн евреев, которые были расстреляны и погибли в газовых камерах гитлеровских концлагерей. Хотя воздерживаясь от осуждения преступлений Гитлера и Муссолини (по словам церковных историков, чтобы не поставить под удар структуры РКЦ на контролируемых ими территориях), Пий XII, по крайней мере, не заискивал перед дуче и, будучи Папой, ни разу не встречался ни с Муссолини, ни, тем более, с Гитлером. В то время как руководители РПЦ до неприличия подобострастно пели дифирамбы Сталину и другим руководителям советского воинственно атеистического режима, превосходя в низкопоклонстве даже штатных партийных пропагандистов.

Все последующие Папы высоко отзывались о проповедническом таланте Пия XII, а Бенедикт XVI, принимая в сентябре 2008 г. участников симпозиума, посвящённого гуманитарной помощи, оказывавшейся этим Папой жертвам войны, назвал его «ангельским пастырем», повторив эпитет, под которым он фигурирует в знаменитом «пророчестве Малахии» (к этому пророчеству мы ещё вернёмся в конце доклада).

2. TANTUM AURORA EST

«Предвестие зари» – эти слова прозвучали в выступлении следующего Понтифика 11 октября 1962 г. при открытии церковного собора, XXI-го Вселенского по официальной католической хронологии или Второго Ватиканского, как его сразу же назвал сам Иоанн XXIII. Произнеся их, преемник Пия XII показал, что у церкви непочатый край работы на этой грешной земле, где живут люди, нуждающиеся в помощи не только словом, но и делом. Когда умер Папа Пий XII (это произошло 9 октября 1958 г.), никто не ожидал, что новый Папа, чей возраст тогда прибли-

жался к 80-ти, созовёт-таки высший форум епископов своей церкви и круто повернёт её от многовекового противостояния всему окружающему миру к диалогу с ним под знаменем «аджорнаменто» – кардинального обновления церковной жизни. Избрание Ронкалли на Римский престол состоялось 28 октября 1958 г. в 11-м туре голосования. Объясняя выбор имени, новый Понтифик сказал, что отдаёт себя под покровительство Иоанна крестителя и Иоанна евангелиста, а использование порядкового номера, под которым значился один из антипап прошлого, печально прославившийся в начале XV в., было воспринято в Церкви как проявление решимости Понтифика очистить это «имя нежное, мягкое и торжественное», как выразился сам новоизбранный, от прилепившегося к нему негатива.

Сравнивая позднее Пия XII и Иоанна XXIII, председатель ОВЦС митрополит Никодим (Ротов) напишет: «Первый был замкнутым и молчаливым, несмотря на очень значительное число оставленных им булл, энциклик и публичных обращений к самым разнообразным группам людей. У Папы Пия XII была потребность в истолковывающем и наставляющем общении с паствой. Но это общение всегда шло сверху вниз и оставалось односторонним. Папа Иоанн XXIII сразу же показал, что он будет держать себя гораздо более свободно... Предпосылка Папы Пия XII была пессимистической, тогда как предпосылка Папы Иоанна XXIII – оптимистическая: первый не доверял никому в мире и боялся его, последний понимает закономерность появления нового и не испытывает страха перед ним... И, может быть, именно благодаря тому, что это стало ясным, он и оказался на папском престоле, так как в католической церкви в целом стало доминирующим убеждение, что пришло время для перемены курса и что направление Пия XII должно быть изменено».

Будущий блаженный Иоанн XXIII родился 25 ноября 1881 г. в деревне Сотто-иль-Монте, надалеко от г. Бергамо (Северная Италия), в многодетной крестьянской семье, члены которой и их ближайшие родственники – три десятка человек разного возраста – жили под одной крышей и трудились на полях местного землевладельца. Впоследствии один из братьев будущего Папы Саверио Ронкалли рассказывал, что их детские годы прошли

под знаком борьбы с постоянным чувством голода. На столе утром и в обед были только полента (каша из кукурузной муки) и фасоль, никакого хлеба, мясо два раза в год: на пасху и рождество, иногда ещё и на престольный праздник местной церкви. В одном из рукописных документов самого Понтифика сохранилась такая запись: «Родившись бедным, я буду весьма счастлив бедным и умереть… Моей любимой семье я могу оставить только очень большое и очень особое благословение, призвав хранить веру, которая всегда делала семью дорогой для меня, в её простоте и скромности, никогда не заставляя краснеть за неё. Это моя настоящая дворянская гордость». За школой, обучение в которой оплатили один из старших родичей и местный священник, последовали получение среднего и высшего, в том числе блестящего богословского образования, рукоположение в священники, работа в госпитале во время Первой мировой войны, преподавательская работа, служба в центральных учреждениях Ватикана.

Именно тогда, на первых этапах своей церковной карьеры, Ронкалли познакомился с человеком, которому было суждено стать его преемником на папском престоле. Весна 1925 г. стала точкой отсчёта личных контактов между двумя будущими Папами, которых связали и профессиональные интересы: вскоре Монтини был принят на службу в Ватикан и проработал в Государственном секретариате, в том числе последние два года в качестве заместителя государственного секретаря, до 1 ноября 1954 г. В годы церковно-дипломатической деятельности за рубежом Ронкалли побывал в странах, населённых последователями трёх разных религиозных традиций: православия (Болгария и Греция), мусульманства (Турция) и католичества (Франция). И регулярно переписывался с Монтини, причём оба они нередко прикладывали к своим служебным бумагам личные письма, свободные от протокольных условностей.

Среди писем военного времени, когда монсеньор Ронкалли представлял Святой престол в Турции, особенно интересен его отчёт о встрече с послом Германии Францем фон Папеном вскоре после раскрытия совершённого сталинским НКВД преступления – массового расстрела польских военнопленных в районе

Катыни. Немецкий дипломат рассчитывал использовать возможности Ватикана для усиления в Польше антисоветских настроений в интересах Третьего рейха, но будущий Папа перевёл разговор на тему о превращении гитлеровскими оккупантами Польши в гигантский концлагерь, где они расправлялись и с поляками, и с гражданами других национальностей, в том числе с миллионами евреев. «Катынская трагедия, – пишет Ронкалли, цитируя слова, сказанные ему фон Папеном, – должна побудить поляков к пересмотру их отношения к немцам». И далее: «Я ответил ему, криво улыбнувшись, что в таком случае они должны будут забыть о миллионах евреев, которых высылают в Польшу и там убивают. И что в любом случае рейху следовало бы сменить регистр в отношениях с поляками» (письмо из Стамбула датировано 8 июля 1943 г.). Что и было сделано в 1965 и вторично в 1978 г., но об этом – ниже, в главах о Войтыле и Ратцингере.

Незадолго до окончания войны, в конце декабря 1944 г., Ронкалли был переведён из Турции в освобождённый от оккупантов Париж. Нунциатура во Франции стала венцом дипломатической карьеры монсеньора Ронкалли. 10 ноября 1952 г. он получил письмо заместителя государственного секретаря Ватикана, в котором Монтини извещал его о предложении Папы стать преемником тяжело больного Патриарха Венецианского (так титуловалась должность правящего архиерея Венеции с тех времён, когда этот город был столицей крупной независимой морской державы). 28 декабря Патриарх Карло Агостини скончался, а уже 12 января 1953 г. Ронкалли был возведён в кардинальское достоинство и назначен Патриархом бывшей владычицы морей. По давней традиции головной убор кардинала – красную берретту – возложил на него высший государственный руководитель Франции, «старшей дочери Церкви», президент Венсан Ориоль. А вскоре вслед за Анджело Джузеппе Ронкалли сменил «прописку» и Джованни Батиста Монтини. Пий XII 1 ноября 1954 г. освободил его от обязанностей заместителя государственного секретаря и перевёл из Ватикана в Милан, назначив архиепископом этого города. Кардинал Ронкалли пробыл в Венеции немногим более пяти лет, но этого оказалось доста-

точно для того, чтобы будущие выборщики преемника Пия XII получили достаточно ясное представление о нём как о возможном Римском первосвященнике, констатировал в посвящённой Иоанну XXIII книге митрополит Никодим (Ротов).

На кафедре святого Петра. Первые шаги к смене курса. Избрание Ронкалли на Римский престол состоялось 28 октября 1958 г. в 11-м туре голосования. Первое письмо, подписанное Ронкалли – Папой Римским в день коронации 4 ноября 1958 г., было адресовано его другу Монтини. В нём, в частности, говорилось: «Направляюсь в храм святого Петра на большую церемонию… А позднее объявлю о созыве консистории (так называются собрания кардинальской коллегии, проводящиеся, в том числе, и для возведения в достоинство новых кардиналов – А.К.). На нём будут названы имена монс. Монтини и монс. Тардини. Но это – чуть позже, а пока – совершенно секретно».

Пий XII не доверял своему аппарату. С 1953 г. он сам выполнял функции государственного секретаря Ватикана, имея в качестве заместителя ветерана этой службы Доменико Тардини. Иоанн XXIII предпочёл бы видеть на этом посту Монтини, но, по его собственному признанию, опасался, что такое назначение будет воспринято как жест неодобрения действий предыдущего Папы, который в 1954 г. освободил этого архиерея от обязанностей заместителя государственного секретаря и отправил из Рима в Милан. Так руководителем одного из главных ведомств Ватикана стал Тардини. А 17 ноября Ватикан распространил официальное сообщение о предстоящей консистории. Ей предстояло заполнить вакансии, образовавшиеся в составе коллегии. В то время, пишет близкий к Ватикану религиовед и журналист Бенни Лаи, не существовало предельного возраста для занятия церковных должностей, и кандидаты на их замещение могли ждать годами, постепенно старея, а их предшественники занимали насиженные места до самой смерти. С Иоанном XXIII всё начало меняться. В списке 23 возводимых в кардинальское достоинство первым стояло имя Монтини. Никто тогда не мог предположить, что именно эти два человека – Ронкалли и Монтини – проведут Римско-католическую церковь и Государство град Ватикан через водораздел между двумя историческими ре-

альностями: эпохой анафем и эпохой диалога.

25 января 1959 г. мир облетела сенсационная новость: через три года соберётся очередной, по католической хронологии – 21-й Вселенский, собор Римско-католической церкви. Три года понадобились Папе для того, чтобы в максимально возможной степени подготовить будущих участников форума, а главное – римскую курию – совокупность центральных структур РКЦ и Государства Град Ватикан – к решению задач, поставленных новым Понтификом. Наряду с центральной подготовительной комиссией начали функционировать десять «тематических», соответствующих различным направлениями работы курии. Одной из ключевых фигур этой команды, как и следовало ожидать, оказался кардинал (с 1953 г.) Альфредо Оттавиани, ветеран Конгрегации Священной канцелярии, выходец, как и Папа, из бедной многодетной семьи, но твердокаменный борец за сохранение традиций прошлого. Именно ему дальновидный Иоанн XXIII поручил руководство богословской комиссией, подключив тем самым к активному участию в деле, которое по существу было для этого человека чужим. В результате Оттавиани выпустит много протестного пара в дискуссиях со сторонниками провозглашённого Папой «аджорнаменто» (обновления) церковной жизни, но в конечном итоге пойдёт на компромисс с ними и подпишет все документы собора. Ещё одной важной фигурой в подготовке к собору стал возведённый в кардинальское достоинство одновременно с Монтини и Тардини бывший духовник Пия XII Августин Беа. Он проявил себя как реальный помощник нового Папы в деле содействия достижению единства христиан.

Были у Понтифика, конечно, и более близкие ему сотрудники – единомышленники, на которых он мог положиться в самых непростых и деликатных случаях. Учёный и писатель Марко Ронкалли, внучатый племянник Иоанна XXIII, начинает их перечисление с трёх имён. Это монсеньор Дель Аккуа, ответственный сотрудник Римской курии, Альфредо Каванья, исповедник Папы, и Лорис Каповилла, его личный секретарь со времён венецианского патриаршества. Должность Л. Каповиллы не была предусмотрена штатным расписанием, однако по своей роли в

жизни церкви он превзошёл всех ближайших сотрудников Пап XX в., считает М. Ронкалли. «Иоанн XXIII, – пишет он, – сознавал, что в организации собора ему не обойтись без помощи курии, но знал и другое: когда возникает необходимость ограничить влияние этого “ватиканского пентагона”, обеспечить прямой выход на общественность и членов церкви, выйти за пределы “занавеса из фимиама”, он может положиться, помимо Дель Аккуа и Каваньи, только на Каповиллу. На человека, который умеет не только быть добросовестным исполнителем любого поручения (и даже порой упредить появление такого поручения), но и стать послом, готовым выполнить самые деликатные миссии, в одних случаях – раскрывая перед лицом СМИ и общества подлинный имидж Понтифика, в других – участвуя в разработке стратегии, способствующей установлению первых контактов с Востоком, в третьих – играть роль посредника между Папой, с одной стороны, и членами его семьи, жителями Берга-мо и Венеции или, наконец, представителями мира гуманизма, с другой».

Три года подготовки к собору стали периодом беспрецедентно широкой гласности внутри РКЦ. В мировом масштабе развернулась невиданно свободная дискуссия по различным, в том числе и острейшим проблемам церковной жизни. «В годы Пия XII, – вспоминает историк Андреа Риккарди, – несмотря на многообразие позиций, сложившихся внутри католичества, оно представлялось как монолит, единый блок во главе с Папой и центральными руководящими органами церкви. Декомпрессия, связанная с собором, позволила самым разным реальностям католического мира встретиться и вступить в контакт поверх логики блоков». На первую сессию собора приехали 2778 участников. Из них 38% представляли Европу (в т.ч. 15% – Италию), 31% – Южную и Северную Америку, 21% – Азию и Океанию, 10% – Африку. Что уже существенно отличалось от состава подготовительных комиссий, на 70% состоявших из жителей Европы.

В помощь им была сформирована группа богословов, в состав которой вошли, в частности, приглашённый лично Иоанном XXIII вопреки сопротивлению курии, теолог-новатор Карл Ранер (ФРГ), будущий кардинал Жан Даниелу, ещё один буду-

щий кардинал друг преследовавшегося при Пие XII учёного Пьера Тейяр де Шардена член Института (Академии социальных и политических наук) Франции Анри де Любак. (Франция), представитель «новой теологии» соотечественник Де Любака Ив Конгар и молодой швейцарский учёный Ганс Кюнг, а также многие другие эксперты разных направлений (к их вкладу в разработку стратегии Ватикана мы ещё вернёмся ниже).

Вспоминая атмосферу, царившую в эти дни в Ватикане, Кюнг писал: «В ходе встреч на симпозиумах, лекциях, вечерах и даже в буфетах завязывались многочисленные контакты между людьми, ранее не знавшими друг друга. Неожиданно открывались общие заботы и тревоги, обнаруживался разрыв между словами и делами, епископы, приехавшие из самых различных точек земного шара, указывали, что их мысли и смутные ощущения совпадают с мыслями и ощущениями других прелатов церкви, и в результате «меньшинство, каким оно казалось накануне открытия собора, оказалось большинством».

Церковный собор открыт. Церемония торжественного открытия собора 11 октября 1962 г. была исключительно живописной и породила целый поток публикаций в итальянских и зарубежных СМИ, однако внимание политических обозревателей, собравшихся в эти дни в Риме, в гораздо большей степени привлекла та новая атмосфера, которая создалась в руководящих сферах католической церкви с началом понтификата Ронкалли. Высший руководитель РПЦ пригласил на аудиенцию глав официальных государственных миссий, чтобы напомнить им об ответственности правительств за судьбы народов и призвать их прислушаться к «крику беспокойства, который поднимается к небу со всех краёв земли, как от невинных детей, так и от стариков, как от отдельных людей, так и от целых человеческих сообществ: мира, мира!». Пусть мысль об этой ответственности, воскликнул Папа, «заставит их не пренебречь ни одним усилием, чтобы достигнуть этого блага, которое является для всей человеческой семьи самым высшим из всех благ».

Следующую аудиенцию Иоанн XXIII дал журналистам, аккредитованным при отделе печати собора. С ними он говорил о необходимости объективно освещать ход форума. Только служа

правде, сказал он, вы сможете способствовать установлению подлинного мира на этой земле. Объясняя свои неоднократные призывы к «деполитизации» деятельности церкви, Папа подчеркнул, что церковь чувствует необходимость ликвидировать «очаги недоверия, подозрительности и непонимания», которые вызывают «печальные последствия для развития дружбы между людьми и между народами». Они представляют собой продукт «позиций, занятых церковью в определённых исторических условиях», и, следовательно, имеют «преходящий, временный характер».

По ходу сессии в Москву изо дня в день направлялись по каналам ТАСС – без какой-либо ретуши – обзоры местной печати и высказывания участников собора о его работе и перспективах. Часть из них включалась центральной редакцией агентства в поток сообщений для СМИ, другие помещались в так называемые служебные вестники, которые по установленному ЦК КПСС списку рассылались в партийные, государственные и научные учреждения, а также руководителям СМИ для ознакомления и возможного использования в собственных публикациях. Ниже – краткая выдержка из итогового сообщения ТАСС о первой сессии собора:

«*ВАТИКАН, 8 декабря (ТАСС). Сегодня торжественной церемонией в храме святого Петра завершилась первая сессия Ватиканского собора. Результаты сессии подтверждают предсказания тех, кто предвидел трудный ход её работ и сомневался в том, что за 2-3 месяца собор сможет определить позицию Католической церкви по всем вставшим перед ней проблемам. Более того, новая сессия должна будет в известном смысле начинать всё сначала, поскольку на нынешней сессии не удалось достигнуть полного согласия ни по одному из переданных на обсуждение епископов вопросов. Несмотря на секретность, окружавшую работу собора, через бронзовые врата Апостолического дворца в журналистские круги просачивались некоторые сведения, характеризовавшие обстановку, которая сложилась сейчас в Ватикане. Они свидетельствуют о серьёзных разногласиях между двумя большими группировками, образовавшимися на соборе: «традиционалистами», или «консерватора-*

ми», духовным лидером которых является секретарь Конгрегации священной канцелярии (бывшей инквизиции) кардинал Оттавиани, и «новаторами», или «реформистами», которым, по словам печати, сочувствует и сам папа Иоанн XXIII. Местные политические обозреватели отмечают как новый факт именно это чётко определившееся размежевание сил внутри католической церкви. Усиление новых тенденций в пользу более либерального отношения к инакомыслящим позволило Ватикану установить прямой контакт с представителями некатолических церквей, включая Русскую православную церковь и несколько крупных протестантских структур, которые впервые направили на собор своих наблюдателей» (конец цитаты).

Готовность Ватикана к конструктивному диалогу с православием вообще и с русским православием в особенности отметил в отчёте Патриарху о. Виталий Боровой. Сообщая о своих неоднократных встречах с кардиналом А. Беа, он подчеркнул, что, по словам кардинала, Папа, как и руководство РКЦ в целом «понимают историческую неизбежность изменившегося положения на Востоке и готовы на разумных основаниях для пользы Церкви сотрудничать со всем тем новым и хорошим, что там имеется». В докладе подчёркивалось, что все, с кем приходилось иметь дело русским наблюдателям (кардиналы, архиепископы и епископы разных стран, католические богословы и профессора, президиум и секретариат Собора, члены многочисленных Ватиканских конгрегаций и коллегий, включая «Руссикум» и «Конгрегацию для восточных Церквей», восточные патриархи-униаты и их епископат), относились к ним с большим вниманием, предупредительно и дружественно.

Единственным исключением, отметил далее о. В. Боровой, была группа из 15-ти украинских униатских епископов, которая демонстративно избегала встреч с наблюдателями от Русской Церкви». Иерархи УГКЦ подготовили меморандум о насильственном упразднении Униатской Церкви и преследовании греко-католического духовенства в СССР и намеревались добиться принятия на соборе резолюции, осуждающей действия советских властей и РПЦ. Натолкнувшись на запрет, наложенный ру-ководством собора, авторы этого документа заручились под-

дер-жкой со стороны одного из итальянских епископов, который от своего имени предложил упомянуть в одном из документов со-бора о «церкви молчания» и выразить сочувствие «страдающим за веру братьям» и особенно тем из них, которые «были лишены возможности приехать на Собор» и находятся в заключении. Однако и это предложение не встретило поддержки большинст-ва соборян и таким образом не прошло. «Очевидно, что позиция Святого Престола в данном вопросе вновь была продиктована стремлением установить благожелательные отношения с Советским Союзом и Русской Православной Церковью», – кон-статировал автор отчёта.

Инцидент с униатским «меморандумом» не остался, однако, без последствий. Перед отъездом наблюдателей РПЦ на родину в декабре 1962 г. их принял руководитель Конгрегации по делам восточных церквей кардинал Теста, который заявил: «Папа очень просит наблюдателей довести до сведения Святейшего Патриарха, а через Патриарха – до сведения Советского Правительства, что он – Папа – был бы очень счастлив и благодарен Советскому Правительству, если бы оно, руководясь гуманными соображениями и милосердием, предоставило бы амнистию заключённому униатскому митрополиту Иосифу Слипому, семнадцать лет тому назад осуждённому советским судом. Слипый уже глубокий старик, к тому же он больной. Если он был виновен, он достаточно понёс наказание за свои преступления. Теперь для Советского Правительства он не представляет уже никакой опасности. Будет гуманно, если его помилуют, освободят из заключения и дадут возможность спокойно дожить остатки его дней и умереть не в тюремных условиях. Папа, Теста и вообще Ватикан ручаются пред Советским Правительством в том, что Слипый не возобновит никакой официальной деятельности и не станет что-либо говорить или действовать неофициально».

С просьбами об освобождении Слипого к Хрущёву в неофициальном порядке обратились и такие разные люди, как президент США католик Джон Ф. Кеннеди (через своего представителя Нормана Казинса, который имел продолжительную беседу с советским руководителем в Кремле), премьер-министр Италии Аминторе Фанфани и генсек Итальянской компартии Паль-

миро Тольятти. В результате всех этих обращений 27 января 1963 г. Слипый был освобождён из лагеря и на следующий день доставлен в Москву. Он пробыл там до вечера 4 февраля, успев в последний день пребывания в гостиничном номере тайно рукоположить в сан епископа вызванного из Львова священника Василия Величковского, который, как отмечает церковный историк Владислав Игоревич Петрушко, был назначен помощником митрополита на всей территории СССР и опять-таки тайно рукоположил ещё двух епископов: Владимира Стернюка (1964 г.) и Никанора Дейнегу (1972 г.). Что касается самого митрополита, обеспечив преемственность униатского епископата в СССР, он отбыл поездом в Рим в сопровождении монсеньера Виллебрандса, специально приехавшего за ним по поручению Папы.

Политическое завещание «Папы мира». Ещё одним важным событием зимы и весны 1963 г. стала встреча Иоанна XXIII с зятем и дочерью Хрущёва, которая состоялась 7 марта. Главный редактор «Известий» А.И. Аджубей и его жена Рада Никитична были тепло приняты Папой, и их визит как бы предуготовил возможную встречу двух мировых лидеров, которая так и не состоялась ввиду смерти Папы Ронкалли (3 июня 1963 г.) и последующего год с небольшим спустя отстранения от власти инициатора десталинизации в Советском Союзе. Но Папа, уже тяжело больной, успел подготовить и подписать 11 апреля свой самый важный догматический документ – обращённую не только к церкви, но и – впервые в истории – «ко всем людям доброй воли» энциклику (окружное послание) «Pacem in Terris» («Мир на Земле»). И даже увидеть её на страницах последнего апрельского номера московской еженедельной газеты «За рубежом», который ему показал дон Лорис Каповилла.

В этом документе подчёркивалось, что в основание упорядоченного и зрелого общества должен быть положен принцип, который гласит, что каждый человек – это личность, то есть существо, одарённое разумом и свободной волей. Каждый имеет право на жизнь, на личную неприкосновенность, на средства, необходимые и достаточные для достойного образа жизни. Это, в частности, питание, одежда, жилище, отдых, медицинское обслуживание, необходимое социальное обеспечение. Из прису-

щей людям социализации проистекает право на объединение и право придавать общественным и политическим организациям структуру, необходимую для достижения их целей, а также свободно и ответственно участвовать в их деятельности… Власть, которая основывается исключительно или преимущественно на терроре и страхе перед наказанием, не побуждает людей деятельно стремиться к достижению общего блага. Тем временем мы с прискорбием констатируем, что в экономически развитых государствах созданы и продолжают создаваться гигантские объёмы вооружений; ради этого растрачиваются духовная энергия и огромные материальные средства, а граждане этих государств терпят лишения.

Отношения между государствами, указывалось далее в энциклике, должны строиться на основе истины и справедливости и проявляться в многообразных формах плодотворного сотрудничества в экономической, социальной, политической, культурной, санитарной, спортивной и других сферах. Все возникающие в мире споры могут и должны найти своё разрешение не в военных конфликтах, а путём разумных переговоров. При этом Папа не ограничился одними лишь общими призывами к переговорам, но и коснулся тех конкретных вопросов, которые должны явиться предметом обсуждения в международном масштабе. Он прямо высказался за немедленное прекращение ядерных испытаний, за запрещение атомного оружия, прекращение гонки вооружений и, наконец, за осуществление всеобщего и полного разоружения под соответствующим контролем. Прекращение гонки вооружений, писал он, не только избавит людей от страха перед завтрашним днем, но и высвободит огромные материальные ресурсы, в которых так нуждается человечество.

Иоанн XXIII впервые в официальном документе РКЦ сформулировал тезис о возможности сотрудничества католиков и некатоликов в их совместной деятельности для достижения целей, в которых заинтересовано всё человечество. Он прямо заявил, что такое сближение, которое ещё вчера было невозможным, сегодня уже полезно или может стать полезным завтра. Никогда не следует смешивать заблуждение с заблуждающимся, даже если речь идёт о неверном понимании нравственно-религиозной

истины. Заблуждающийся остаётся, прежде всего, человеком и сохраняет, во всех случаях, достоинство личности; его следует рассматривать и уважать, как подобает его достоинству. Равным образом нельзя отождествлять ложные философские учения о природе, происхождении и предназначении мира и человека с историческими движениями, преследующими экономические, социальные, культурные и политические цели, даже если они берут своё начало в вышеуказанных учениях и вдохновлялись или всё ещё вдохновляются ими».

Две с половиной недели спустя после публикации энциклики, 28 апреля, в Италии состоялись парламентские выборы. Через два дня стали известны их итоги. Кандидаты компартии собрали на 1 млн голосов больше, чем на предыдущих выборах. Правящая христианско-демократическая партия впервые спустилась ниже 40% электората. В Вашингтоне, а точнее в штаб-квартире ЦРУ, – паника. Директор ведомства Джон Маккоун садится в первый самолёт и летит в Европу. Через несколько часов, как сообщает Марко Ронкалли, цитируя американского исследователя Томаса Гордона, он «врывается к Папе Иоанну, заявляя, что прибыл по просьбе первого президента США – католика, чтобы сказать, что церковь должна была остановить сближение с коммунизмом. Вести переговоры с Кремлём столь же опасно, как и недопустимо. Коммунизм в Италии – это троянский конь, и последние выборы – тому подтверждение. Маккоун говорил десять минут без перерыва, и все присутствовавшие при этом молчали. Молчал и Папа, разглядывая своего высокорослого и сухопарого посетителя. После чего, не повышая голоса, объяснил, что возглавляемая им церковь озабочена целым рядом проблем, имеющих срочный характер. Надо покончить с бедностью, отрицанием прав человека, расизмом и политическим гнётом. И он готов поддержать любого, кто может внести свой вклад в решение этих проблем, даже советских людей. Единственный способ противостоять коммунизму – это найти ему продуманную, взвешенную альтернативу».

Жизнь тяжело больного Иоанна XXIII подходила к концу. 3 июня 1963 г. он скончался. Позднее, когда встал вопрос о его беатификации (причислении к лику блаженных), противники этого

Папы развернули против него кампанию обвинений в «филокоммунизме». Вопрос этот был даже вынесен на рассмотрение Конгрегации по делам святых, но снят с обсуждения после того, как в архивах обнаружился текст, написанный примасом Польской церкви кардиналом Вышинским: «Раньше нам не давали вздохнуть. Мы начали дышать только во времена Ронкалли».

3. ОТ АНАФЕМ К ДИАЛОГУ

По стопам «Папы мира». Джованни Батиста Монтини, человек, которого Папа Ронкалли хотел бы видеть своим наследником, родился 26 сентября 1897 г. в Кончезио (провинция Брешиа, Северная Италия) в семье католического журналиста и адвоката, одного из создателей местных структур Народной партии Италии. По состоянию здоровья в детские годы учился в основном дома, в 1916 г. получил аттестат государственного лицея в Брешии. Продолжив учёбу в епархиальной духовной семинарии, в 1920 г. был рукоположен в сан священника. В 1920–1924 гг. получил высшее богословское образование в Риме и был принят на работу в Государственный секретариат Ватикана, сначала в качестве стажёра, а вскоре – и как постоянный штатный сотрудник. Продвигаясь по служебной лестнице, занимал всё более высокие должности вплоть до поста заместителя государственного секретаря.

Архив документов Монтини практически пуст, так как, в соответствии с его завещанием, все они, за исключением официальных, которые остались в Секретном архиве Ватикана, были уничтожены. К счастью, однако, частично сохранилась переписка Монтини – Ронкалли, оказавшаяся в личном архиве Иоанна XXIII, который по решению этого Понтифика был передан монсеньору Каповилла. И, благодаря одному из документов этого досье, мы узнали предысторию выбора преемником Папы Ронкалли его нового официального имени. Когда в ноябре 1954 г. Дж.Б. Монтини был перемещён Пием XII с должности заместителя государственного секретаря Ватикана на пост архиепископа Миланского, монсеньор Ронкалли направил ему из Венеции поздравление, в котором за четыре года до собственного избра-

ния на первосвятительский престол в Ватикане подсказал (или предсказал) имя своего будущего преемника. «Епископская хиротония, – писал Ронкалли – Патриарх Венецианский, – закрепляет включение Вашего высокопреосвященства в число тех, на кого возложена особая пастырская миссия. Отныне мы будем вместе следовать по пути, указанному Христом святому Павлу». Оказавшись в итальянской глубинке (если можно употребить это слово применительно к стране, которая в течение долгих веков была раздроблена на множество самостоятельных государств с высочайшим уровнем культуры и образования), правящие архиереи Венеции и Милана, постоянно искали (и находили) поводы для личного общения и обмена мнениями о самых актуальных проблемах церкви в современном мире.

Близость Монтини к Ронкалли-Понтифику не осталась незамеченной не только внутри Римской курии, но и за её пределами. Сдержанность архиепископа Миланского, проявленная им во время первой сессии собора (он выступал на ней всего два раза), воспринимались как желание остаться, как и сам Иоанн XXIII, «над схваткой» между сторонниками решительного обновления РКЦ и «традиционалистами». И, напротив, введение Монтини после окончания сессии в состав комиссии по согласованию порядка дальнейшей работы собора выглядело как признак желания Папы повысить его личную роль в организации соборной дискуссии.

Джованни Баттиста Монтини был избран преемником Папы Ронкалли 21 июня в пятом туре голосования на конклаве, открывшемся накануне. И без минуты колебаний сообщил в ответ на заданный ему ритуальный вопрос, что будет именоваться Павлом VI (предыдущий Понтифик, носивший это имя, занимал кафедру святого Петра с 1605 по 1621 г.). Всех, конечно, интересовало, будет ли продолжена работа Второго Ватиканского собора, прерванная до следующей осени при окончании первой его сессии 8 декабря 1962 г. Новый Папа сразу же подтвердил, что намерен довести форум в Ватикане до успешного завершения, и назвал точную дату начала второй сессии – 29 сентября. И, открывая её, сформулировал четыре главных задачи собора: утверждение самосознания Церкви, проведение церковной ре-

формы, содействие достижению единства христиан и налаживание диалога с окружающим миром.

Сессия продолжалась весь октябрь и ноябрь и завершилась 4 декабря 1963 г., подтвердив серьёзность разногласий, возникших внутри епископата чуть ли не по всем вопросам, перечисленным во вступительной речи Папы. К этому времени сторонники «аджорнаменто», проникшиеся идеями последней энциклики Иоанна XXIII, сформулировали целый ряд конкретных предложений о реформировании церковной жизни. Не только «простые» епископы, но и члены кардинальской коллегии открыто выразили несогласие с чрезмерной, по их мнению, широтой полномочий римской курии и теми методами, которыми она пользовалась в повседневном руководстве церковью. Особенно острой критике подверглась деятельность Конгрегации Священной канцелярии, и горячие аплодисменты прозвучали в храме святого Петра, когда кардинал Фрингс назвал «мировым скандалом» решения, принимаемые этим ведомством, добавив, что они «не соответствуют реалиям современности». Канадский кардинал Леже, в свою очередь, поставил под сомнение тезис о том, что РКЦ является единственной носительницей истин христианства. В итоге и эта сессия не смогла придти к согласию относительно подавляющего большинства из полутора десятков вынесенных на её обсуждение проектов документов и окончательно одобрила лишь два из них.

В принятой в последний день Конституции о священной Литургии собор высказался за разнообразие литургической типологии в соответствии с различными традициями и культурами, а также за упрощение обрядов. В документе указывалось, что Церковь не желает навязывать строгой и единообразной формы – даже в литургии. Территориальным церковным властям было предоставлено право выносить решение о возможном использовании современных местных языков. Подтвердив обычай размещать в храмах священные изображения (скульптуры, картины, иконы) для почитания, собор отметил, что «выставлять их следует в ограниченном количестве и в подобающем порядке, дабы не вызывать в христианском народе чрезмерного удивления и не поощрять не вполне верную (другими словами говоря

– внешнюю, показную – А.К.) набожность».

Отказываясь от запрета таких форм богослужения, которые отличаются от установленных в далёком прошлом, собор постановил, что «современное искусство, а также искусство всех народов и стран, должно обладать в Церкви свободой выражения, если оно с должным благоговением и должной честью служит священным храмам и священным обрядам» (при сохранении возможности служить мессу и на латинском). Принимая это решение, Второй Ватиканский Собор опирался на опыт Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Именно тогда на совещании епископов, проходившем под председательством Патриарха Тихона, был рассмотрен документ, устанавливавший, что «признаются права общерусского и малороссийского (т.е. украинского – А.К.) языков для богослужебного употребления».

Наконец, бесспорным шагом навстречу некатоликам стало решение собора дать согласие на то, чтобы Пасха праздновалась всеми христианами одновременно в определённое воскресенье по григорианскому календарю. Осуществление этой идеи было оговорено условием, что на неё согласятся и другие Церкви, «особенно братья, отделённые от общения с Апостольским Престолом». Одновременно Собор поддержал идею введения в гражданском обществе постоянного календаря при условии сохранения семидневной недели.

Вторым соборным документом стал принятый в тот же день Декрет о средствах массовой коммуникации. В нём говорилось о признании Церковью роли «масс-медиа» в современном обществе и в церковной жизни. Человеческое общество, указывали авторы документа, имеет право на информацию, однако, чтобы верно пользоваться этим правом, требуется, чтобы сообщение всегда было правдивым и полным. При этом оно должно быть честным и пристойным, то есть соблюдать нравственные законы, законные права и достоинство человека – как в сборе новостей, так и в их распространении.

Напротив, «отцам собора» так и не удалось до конца сессии придти к согласию относительно главных направлений «аджорнаменто» – обновления всей жизни церкви с учётом как её ис-

торического опыта и традиций, так и условий жизни на рубеже второго и третьего тысячелетий. Как и следовало ожидать, обсуждение этих проблем было нелёгким. Проект документа о церкви, разработанный подготовительной комиссией ещё до собора и представленный на первой сессии в 1962 г., не смог тогда быть принят даже за основу. В ходе второй сессии он подвергся переработке, но снова был отвергнут, так как, по мнению сторонников церковного обновления, всё ещё страдал схоластичностью и игнорировал пастырский и экуменический аспекты жизни РКЦ в новых условиях. Документ этот будет одобрен только на третьей сессии, но станет результатом трудного компромисса между «обновленцами» и «консерваторами» и ввиду противоречивости отдельных своих положений до сих пор по разному интерпретируется представителями различных течений католической мысли. Но об этом – ниже.

По окончании второй сессии собора Папа совершил 4-6 января 1964 г. паломническую поездку на Святую Землю, где встретился с Патриархом Константинопольским Афинагором. Как рассказал сопровождавший Папу его личный секретарь монсеньор Паскуале Макки, оба первоиерарха выразили уверенность, каждый от имени своей церкви, что наступит время, когда католики и православные смогут вновь причащаться из одной чаши, преодолев разделение, произошедшее девять веков тому назад. «И для одной, и для другой стороны, – сказал Павел VI, – пути к единству далеки и усеяны препятствиями, но они ведут к точке встречи, к истокам нашей веры». А вернувшись в Ватикан, сразу же засел за работу по составлению энциклики «Ecclesiam suam» («Своей Церкви»).

Как и последняя энциклика Иоанна XXIII «Pacem in Terris» («Мир на земле»), первая энциклика Павла VI была обращена «ко всем людям доброй воли». Однако новый Папа обещал вернуться в будущем к более подробному «рассмотрению срочных и важных тем, волнующих не только Церковь, но и всё человечество, таких, как мир, нищета и голод». Теперь же он хотел «поделиться некоторыми соображениями методологического характера по поводу жизни Церкви». По его мнению, для неё «настал час глубже познать самоё себя». Признав «необходимость

обновления», Понтифик тут же добавил: «Если можно говорить о реформе, отнюдь не следует подразумевать под ней какие-либо перемены». После чего, перейдя к вопросу «об отношениях, которые Церковь должна установить с окружающим её миром», и подчеркнув, что он «выступает за свободный и честный мир, против соперничества, обмана и предательства», «провозглашает преступлением агрессивные захватнические войны», назвал «самой главной опасностью нашего времени атеизм». В ходе работы собора этот последний тезис будет скорректирован и войдёт в Пастырскую конституцию о Церкви в современном мире как часть программы позитивных инициатив РКЦ: «Церковь, даже полностью отвергая атеизм, искренне исповедует, что все люди – и верующие, и неверующие – должны содействовать надлежащему созиданию того мира, в котором они вместе живут; а это, несомненно, не может произойти без искреннего и мудрого диалога».

Продолжение собора. Третья сессия собора (14 сентября – 21 ноября 1964 г.) оказалась для Павла VI ещё более сложной, чем предыдущая. Ему пришлось предпринять поистине титанические усилия для того, чтобы, продвигая вперёд обновление церкви под знаменем диалога с современным обществом, не допустить раскола в её собственных рядах. На обсуждение епископов был представлен дважды пересматривавшийся проект Догматической конституции о Церкви. На сей раз акцент в этом документе был сделан на коллегиальности управления Церковью и на той роли, которая отведена в этом управлении епископам, как преемникам Апостолов. При этом подтверждалось учение о первенстве Римского Понтифика и о его «безошибочном учительстве». «В лице епископов, которым помогают пресвитеры, – говорилось в конституции, – среди верующих присутствует Господь Иисус Христос… Каждый из епископов является зримым началом и основой единства в своей отдельной Церкви, созданной по образу вселенской Церкви, созданной по образцу вселенской Церкви... Поэтому каждый из Епископов представляет свою Церковь, а все они вместе с Папой – всю Церковь в союзе мира, любви и единства». В процессе подготовки к принятию этого документа консервативное меньшинство еписко-

пов обратилось к Павлу VI с настоятельной просьбой не допустить принижения (по их мнению) авторитета Понтифика по от-ношению к коллегии епископов, и Папа своей властью внёс в текст Догматической конституции ряд поправок и одновремен-но благословил включение в сборник документов собора, наря-ду с этой конституцией, специальной «нотификации» генераль-ного секретаря собора архиепископа П. Феличи, в которой, в ча-стности, говорилось: «Коллегия понимается не в строго юриди-ческом смысле, то есть как группа равных, делегирующих свою власть своему председателю, но как постоянное сообщество, строй и власть которого выводятся из Откровения… Речь идёт о тесном единении Епископов со своим Главой, но никак не о действии Епископов независимо от Папы».

Тогда же был утверждён Декрет о Восточных Католических Церквах. Хотя формально он касался лишь тех церквей, которые находятся в каноническом общении с Римом, авторы документа затронули в специальном параграфе и вопрос об отношениях с «отделёнными Церквами», то есть с православием. Причём члены этих Церквей впервые назывались не еретиками, а «отделёнными братьями», и за их рукоположенными клириками признавалось «действительное священство». Одна сенсация логически влекла за собой и другую. Собор разрешил католическим священникам «преподавать таинства Покаяния, Евхаристии и Елеосвящения больных восточным христианам, отделённым от Католической Церкви». «Более того, – указывалось в декрете, – католикам также разрешается просить о тех же таинствах у служителей-некатоликов, в Церкви которых наличествуют действительные таинства, всякий раз, когда того потребует нужда или подлинная духовная польза, а доступ к католическому священнику окажется физически или нравственно невозможен». Но и этим список разрешений на контакты с православными не исчерпывался. «Равным образом, – говорилось в следующем пара-графе того же документа, – исходя из тех же принципов, по ува-жительной причине допускается общение в священных действиях, предметах и местах между католиками и отделёнными восточными братьями».

Дальнейшее развитие идеи широкого межхристианского со-

трудничества получили в Декрете об экуменизме. Речь в нём шла не только о православных, которые, как и католики, признают, наряду со Священным Писанием (Библией), также и Священное Предание, имеют те же самые таинства и сходную иерархическую организацию, но и о протестантах, чьё учение и религиозная практика основываются исключительно на Библии. Собор впервые признал, что вина за расколы христианства в прошлом лежит на всех, в том числе и на католиках. Перефразируя слова молитвы «Отче наш», авторы документа провозгласили: «Мы просим прощения у Бога и у отделённых от нас братьев, как и мы прощаем должникам нашим». После чего следовал призыв, обращённый к членам своей собственной Церкви: «приобретать более основательные знания о вероучении и истории, духовной и богослужебной жизни, религиозной психологии и культуре, свойственных нашим братьям». Участники Собора заявили, что, несмотря на «весьма значительные разногласия» с протестантами, которые имеют исторический, социологический, психологический и культурный характер, диалог с ними также возможен и необходим. Среди основных тем межхристианского сотрудничества собор выделил, прежде всего, такие, как верная оценка человеческой личности, поддержание дела мира, приложение Евангелия к социальной жизни, развитие наук и искусств в христианском духе, использование различных средств к преодолению бедствий нашего времени, каковыми являются голод и стихийные бедствия, неграмотность и нищета, нехватка жилья и несправедливое распределение благ.

Практически подготовлен для принятия был ещё один важный документ: Декларация о религиозной свободе, однако, в последний момент, за день до окончания сессии, он был снят с голосования по личному решению Павла VI. Этот шаг Понтифика, а также внесение им в Декрет об экуменизме ряда поправок, которые, по мнению «прогрессистов», ослабляли новаторский характер документа, подтолкнули реформаторское большинство епископов на открытое выражение несогласия с Папой. Вот как описывает этот эпизод протопресвитер Виталий Боровой, который в заключительный день третьей сессии находился вместе с «отцами собора» в храме святого Петра. Когда

Римский первосвященник появился в зале, епископы не приветствовали его аплодисментами, как это обычно происходило в подобных торжественных случаях. При полном, тяжёлом молчании епископов Папа продвигался между рядами, делая время от времени знак благословения, но редко кто крестился в ответ ему. «На нас, наблюдателей, – продолжает отец Виталий, – это произвело тягостное впечатление. Может, я и ошибался тогда в оценке психологического состояния Папы в связи с отношением к нему епископов, но мне было искренне его жаль, ибо я высоко ценил проявления его руководства собором, даже когда он вынужден был вмешиваться в конфронтацию противоборствующих сил, как, например, в вопросе о религиозной свободе. Я был на его стороне и имел на это серьёзные основания, исходя из принципов и интересов моей Церкви: никто в мире не страдал так от отсутствия такой религиозной свободы, как мы… Мы отнюдь не были заинтересованы в спешке на соборе и в быстрейшем его окончании. Слишком поспешающая решительность могла приводить (и приводила) к острым ситуациям на соборе и вовне собора в самой Католической церкви. Острые ситуации обычно приводят к борьбе противоборствующих сил, ожесточают их и толкают к экстремизму. И тогда мы невольно, помимо нашей воли, могли быть вовлечены в такую борьбу, и не как активная сила, а только лишь как пассивная жертва, и стать в этой чуждой нам игре разменной картой и заложниками нашей действительности. Об этом нам свидетельствовал наш горький исторический опыт».

Перед самым открытием четвёртой сессии собора (15 сентября – 7 декабря 1965 г.), принимая паломников в своей летней резиденции Кастельгандольфо, Павел VI сделал важное заявление, объясняющее причины его поведения на заключительном этапе форума в Ватикане. «Церковь, – сказал он, – имеет две возможности сохранить свою молодость. Одна из них заключается в том, чтобы приобщиться к окружающему миру, говорить на его языке, воспринять его нравы и образ мысли, включиться в проходящую историю. Другая возможность состоит в том, чтобы Церковь искала в самой себе неисчерпаемую жизненность своей истины, своей традиционной последовательности. Обе эти

возможности хороши при условии, что они будут разумно дополнять друг друга». «Но, к сожалению, – добавил Папа, – ныне в этом стремлении к обновлению кое-кто, безусловно, руководствуясь искренним рвением, исходит только из первой возможности, забывая о второй или пренебрегая ею». Что должна была означать эта оговорка? Отказ от курса, который был открыт Папой Иоанном? Близкие к Понтифику люди церкви давали отрицательный ответ на этот вопрос. По их словам, речь шла о его стремлении обеспечить своего рода мирное сосуществование в РКЦ представителей разных течений богословской мысли и тем самым сохранить единство церковных рядов поверх выявившихся на соборе разногласий.

Завершение собора. Эта тактика Папы позволила сделать четвёртую сессию собора последней и одобрить 11 (из общего числа 16 готовившихся к принятию) документов Собора. Они были посвящены главным образом обновлению внутрицерковной жизни в самых различных её аспектах. Каждый из документов заслуживает отдельного изложения, однако сделать это в кратком обзоре невозможно, и мы ограничимся кратким их обзором. В декрете «Об апостольстве мирян» указывалось, что распространение веры в Бога является задачей всех христиан. «Это апостольство отдельных мирян становится настоятельно необходимым в тех регионах, где свобода Церкви сильно ущемлена. В этих сложнейших обстоятельствах миряне, по мере возможности заменяя священников, подвергая опасности собственную свободу, а иногда даже жизнь, учат христианской вере своих окружающих... Верные Христу призваны осуществлять апостольство поодиночке в различных условиях своей жизни. Однако им следует помнить о том, что человек по своей природе предназначен жить в обществе и что Богу было угодно собрать верующих во Христа в единый народ Божий и в одно тело».

Участники собора ещё раз вернулись к вопросу о роли епископата, приняв специальный декрет «О пастырском служении епископов в Церкви». В соответствии с этим декретом создавался новый коллегиальный орган – Синод епископов, призванный служить «знаком того, что все епископы в иерархическом общении принимают участие в попечении обо всей Церкви». Кроме

того, с учётом положительного опыта работы на уровне отдельных стран Конференций католических епископов, которые к этому моменту кое-где на местах уже функционировали, причём достаточно успешно, собор признал целесообразным, чтобы «повсюду епископы из одной и той же страны или региона составляли одну группу, собираясь вместе в установленные сроки». В том же документе подчёркивалось, что епископы «пользуются полной и совершенной свободой от гражданской власти» и что «недопустимо прямо или косвенно запрещать им свободное сообщение с Апостольским Престолом и с другими церковными властями, а также с их подчинёнными».

Формально этот документ касался положения епископата РКЦ во всём мире и был направлен на обеспечение взаимной независимости Церкви и любого государства. И, действительно, он помог новому поколению епископов в таких странах, как франкистская Испания, возвысить голос против вмешательства властей в дела церкви. Но всем было ясно, что, не упоминая открыто СССР и стран Восточной Европы, «отцы собора» посылают сигнал, прежде всего, в сторону Москвы, предупреждая Кремль, что не могут согласиться с его политикой по отношению к религии и религиозным объединениям, будь то католическим или каким-либо иным.

Если третья сессия Собора уделила особое внимание проблемам межхристианского сотрудничества, то четвёртая обсудила и приняла Декларацию об отношении к нехристианским религиям (Nostra aetate). Этот документ разворачивал буквально на 180% тот курс, которому Церковь следовала в данном вопросе почти 2 тыс. лет. Декларация начинается с указания на необходимость обращать внимание прежде всего на то, что объединяет людей и что ведёт их к совместному общению. Далее подчёркивается, что Католическая Церковь не отвергает ничего из того, что истинно и свято в других религиях. «Она с искренним уважением рассматривает тот образ действия и жизни, те предписания и учения, которые, во многом отличаясь от того, чего она придерживается и чему учит, всеёже нередко доносят луч Истины, просвещающей всех людей». Отдельный параграф Декларации посвящён мусульманам, к которым «Церковь

относится с уважением», помня, что «они ценят нравственную жизнь и высоко чтят Бога молитвой, милостыней и постом». Ключевое положение документа, касающееся взаимоотношений последователей двух наиболее распространённых в мире религий, гласит: «Хотя в течение веков между христианами и мусульманами возникали немалые разногласия и вражда, Священный Собор призывает всех предать забвению прошлое и искренне стремиться ко взаимопониманию, а также совместно оберегать и поддерживать ради всех людей социальную справедливость, нравственные ценности, мир и свободу».

В следующем параграфе содержится напоминание о том, сколь велико духовное наследие, общее христианам и иудеям. И «хотя иудейские власти и их приверженцы настояли на смерти Христа, однако то, что было совершено во время Его страстей, не может быть огульно вменено в вину ни всем жившим тогда иудеям, ни иудеям современным». Поэтому «иудеев не следует представлять ни отверженными Богом, ни проклятыми». Не забыли отцы Собора и о тех преследованиях, которым последователи иудаизма на протяжении веков подвергались, нередко с благословения, а то и по прямому указанию христианского, в том числе католического священноначалия: «Церковь, осуждающая (отныне) всякие гонения на кого бы то ни было, памятуя об общем с иудеями наследии и движимая не политическими соображениями, но духовной любовью по Евангелию, сожалеет о ненависти, о гонениях и обо всех проявлениях антисемитизма, которые когда бы то ни было и кем бы то ни было направлялись против иудеев».

Но и это было ещё не всё. Собор не ограничился отказом от осуждения других христианских конфессий и других религий, за которым последовало выражение готовности сотрудничать с их последователями. Он пошёл ещё дальше. На последней сессии Собора была принята Декларация о религиозной свободе (Dignitatis humanae), признавшая право выбора религии за каждым конкретным человеком. Столь смелого шага история Церкви ещё не знала. В Декларации прямо говорилось, что «человеческая личность имеет право на религиозную свободу». «Эта свобода, – указывали авторы Декларации, – состоит в том, что

все люди должны быть свободны от принуждения со стороны как отдельных лиц, так и социальных групп, а также какой бы то ни было человеческой власти, дабы благодаря этому в религиозных вопросах никого не заставляли действовать против своей совести».

Давно ли Католическая Церковь, как и другие религиозные объединения, стремилась во что бы то ни стало обеспечить себе статус государственной или, по крайней мере, официальной, чтобы получить связанные с ним особые права и привилегии? И вот теперь, решительно порывая с этой более чем тысячелетней практикой, Собор заявлял: «Гражданская власть должна следить за тем, чтобы юридическое равенство граждан, само по себе относящееся к общественному благу, никогда не нарушалось на религиозных основаниях – ни открыто, ни тайно – и чтобы никто из граждан не подвергался дискриминации». «При этом, – заявляли отцы Собора, – необходимо соблюдать принцип личной и социальной ответственности: в осуществлении своих прав отдельные люди и социальные группы по нравственному закону обязаны считаться и с правами других лиц, и со своими обязанностями по отношению к другим лицам, и со всеобщим благом».

Разумеется, собор не мог пройти мимо тех гонений, которым верующие подвергались в СССР и других странах «реального социализма». Поэтому, избегая поименного упоминания гонителей веры, он констатировал: «Однако существуют и такие режимы, при которых – даже если свобода религиозного культа признаётся в их Конституции – сами гражданские власти всё же пытаются отвратить граждан от исповедания религии и сделать жизнь религиозных общин весьма затруднительной и опасной». А «для того, чтобы в роде человеческом установились и укрепились мирные отношения и согласие, требуется, чтобы религиозная свобода была повсюду ограждена действенной юридической защитой». И это были не просто слова. Во всех странах, где они составляют большинство верующих, католики сами выступили с инициативой отделения Церкви от государства и признания равенства религиозных объединений перед законом.

Достойным венцом трудов Собора стала Пастырская кон-

ституция о Церкви в современном мире (Gaudium et spes). Одним из ключевых её положений явился впервые сформулированный высшим форумом католических епископов в Ватикане вывод: «Началом, предметом и целью всех общественных установлений является и должна быть человеческая личность». Что касается Церкви, в силу своей миссии и своей природы она не связана ни с одной конкретной формой культуры, ни с одной политической, экономической или социальной системой, а «благодаря своей вселенскости, может послужить крепчайшей связью между различными человеческими обществами и народами».

О сохраняющейся по сей день актуальности самого объёмного документа Собора (90 стр. книжного текста) свидетельствуют включённые в него слова: «Хотя последние войны прине-сли нашему миру тягчайший материальный и нравственный ущерб, ещё и поныне война продолжает опустошать некоторые страны мира… Взирая на это плачевное состояние человечества, Собор намеревается напомнить о непреходящем значении естественного права народов и его универсальных принципов… К этим действиям нужно прежде всего причислить те, посредст-вом которых… уничтожаются целые народы, нации или этниче-ские меньшинства… Итак, ясно, что нам нужно всеми силами стараться предуготовить то время, когда по общему согласию всех стран можно будет полностью запретить любую войну». Не упустив ни одну из самых жгучих проблем современности, таких, как человек и конфликт, таящийся в его греховной природе, атеизм, гонка вооружений, войны, расизм, бедность, нару-шения прав человека, авторы Пастырской конституции о Церкви в современном мире завершили её призывом к диалогу со всеми, в том числе и с неверующими: «Желая такого диалога, который направлялся бы лишь любовью к истине – конечно, с соблюдением надлежащего благоразумия – мы, с нашей стороны, готовы вести его с каждым: и с теми, кто пестует прекрасные блага человеческого духа, хотя ещё и не признаёт их Тво-рца, и с теми, кто противится Церкви и всячески её преследует. Поскольку Бог Отец – Начало и Конец всех людей, то мы призваны быть братьями». Символическим актом восстановления братских отношений католиков и

православных стало взаимное снятие анафем, которыми предали друг друга в 1054 г. Патриарх Константинопольский и официальный представитель Папы Рим-ского. В последний день собора, 7 декабря, документ об этом подписали, один в Ватикане, другой в Стамбуле, Папа Павел VI и Патриарх Афинагор.

После собора. Итоги собора с позиций русского православия «по горячим следам» прокомментировал старший консультант ОВЦС Московского Патриархата А.Л. Казим-Бек. Ещё после третьей сессии этот богослов, вернувшийся в СССР из эмиграции, где он создал и возглавлял движение «младороссов», признал, что «нелегко одному собору дезавуировать решения предыдущего – его непосредственного предшественника». Как «трудно ожидать и от Предстоятеля Римской церкви готовности приступить к ломке основных положений, на которых экклезиология её утверждается полтора тысячелетия». А в заключительном обзоре, опубликованном год спустя, констатировал: «Произошёл значительный сдвиг, который выразился в том, что Католическая Церковь... вышла из своего, ставшего классическим, иммобилизма, из состояния застоя и шагнула вперёд по пути обновления... В годы понтификатов Иоанна XXIII и Павла VI блюстители ватиканских традиций пережили немало тревог... Им пришлось столкнуться с такими передовыми взглядами их же, часто не менее видных, собратьев, которые в их понимании представлялись чуть ли не еретическими. И они были особенно потрясены тем, что эти неприемлемые для них взгляды и суждения нашли решительную поддержку столь значительного числа отцов, то есть епископов, той же Римско-Католической Церкви».

Возвращаясь к 16 текстам собора, Казим-Бек отметил, что «содержание их выглядит ослабленным и урезанным в результате встречных поправок, вносившихся в ходе дебатов между противоположными течениями собора. Это было, по-видимому, неизбежно в условиях борьбы двух течений... Весьма важно, что Папа Павел не сошёл с пути, проложенного Папой Иоанном, продолжал вести по нему церковный корабль, хотя и за-медленными темпами. Вместе с Собором (во всяком случае, с огромным большинством его) Павел VI признал правильным продолжить сближение с христианами других исповеданий, вы-

разить симпатию и уважение к верующим нехристианских религий, сделать первые шаги в сторону равнодушных или враждебных религии, как таковой, и, наконец, положить начало диалога со всеми людьми». Аналитик «ЖМП» указывал и на трудности, могущие возникнуть на пути к искомому единству христиан и решению других задач, сформулированных в решениях собора. «Обстановка в непосредственно послесоборный период, – писал он, – складывается как будто так, что издание инструкций по проведению в жизнь соборных документов и наблюдение за их практическим осуществлением окажутся предоставленными как раз тем руководящим кругам куриальных учреждений, которые можно считать вдохновителями оппозиционного меньшинства собора, более всего сопротивлявшимися его ду-ху, настроенности и решимости». Что на самом деле отчасти и произошло, несмотря на проведённую Павлом VI реформу курии. Самый яркий пример: реформировать Конгрегацию вероучения (так с 1966 г. стала называться Конгрегация Священной каннцелярии) было поручено её руководителю кардиналу Отта-виани, одному из главных оппонентов обоих Пап собора – Иоанна и Павла. После ухода в отставку в 1968 г. до смерти (в 1979 г.) в возрасте 89 лет он оставался почётным префектом своей Конгрегации.

Если Оттавиани, по крайней мере юридически, не стал оспаривать решения Второго Ватиканского собора, другой лидер консерваторов французский епископ Марсель Лефевр отверг Декларацию о религиозной свободе и прежде всего её вторую статью, где обосновывается необходимость свободного поиска истины и защиты «от всякого внешнего принуждения». Епископ-интегрист назвал неприемлемой также статью 8 Догматической конституции о Церкви, признающую, что «многие начала исти-ны», свойственные богочеловеческой Церкви Христовой, могут обретаться не только в РКЦ, но «и вне её состава», поскольку «побуждают к кафолическому единству». Для него всё ещё сохранял силу «Силлабус» Пия IX, особенно его положения 16 и 17, с которыми категорически несовместим провозглашённый церковью курс на экуменизм. Начав со словесной полемики с этим курсом, Лефевр вскоре развернул и

практическую раскольническую деятельность. Он создал собственное «Общество св. Пия X», демонстративно отверг сделанное ему Павлом VI предложение о возврате в лоно РКЦ и начал рукополагать сначала священников, а позднее, уже при Иоанне Павле II, и епископов, за что был отлучён от церкви. Умер в 1991 г., так и не примирившись с Римом.

Среди действительных новшеств в жизни РКЦ следует упомянуть учреждение (незадолго до завершения собора) нового коллегиального совещательного органа – синода епископов. При жизни Папы Монтини он собирался четыре раза (осенью 1967, 1971, 1974 и 1977 гг.) на сессии продолжительностью около месяца. С января 1971 г. кардиналы, достигшие 80-летнего возраста, утратили право участвовать в выборах нового Понтифика и даже присутствовать на конклаве. При этом им вменялось в обязанность ещё раньше, по достижении 75 лет, подавать заявления о выходе на пенсию (давать или не давать ход этим заявлениям оставалось исключительной прерогативой Папы). Папский двор утратил значительную часть своего традиционного блеска и лишился всех и без того символических вооружённых формирований, за исключением швейцарской гвардии.

К сожалению, объём доклада не позволяет его автору осветить отдельную, но, несомненно, важную тему влияния итогов форума на внешнюю политику Святого Престола и на весь комплекс межгосударственных отношений, а также на межхристианский и межрелигиозный диалог. Поэтому он рекомендует вниманию тех, кого она может заинтересовать, свою статью в предпоследнем номере издаваемого нашим Институтом журнала за прошлый год (Эхо Второго Ватиканского собора «от Атлантики до Урала». «Современная Европа, № 3, июль-сентябрь 2011).

Тем временем состояние здоровья Павла VI заметно ухудшалось. В 1977 г., покидая летнюю резиденцию Кастель-Гандольфо, он сказал собравшимся перед балконом папской виллы паломникам: «Как знать, увидимся ли мы снова через год». В марте 1978 г. Павел VI заболел гриппом. Болезнь, в конце концов, прошла, но организм пожилого человека так и не смог полностью оправиться от её последствий. Тяжело пережил Папа и личную драму своего друга – руководителя христианско-демо-

кратической партии Италии Альдо Моро, который в том же марте был похищен, а позднее убит террористами из «красных бригад». 6 августа Понтифик умер. Как сообщил один из прелатов, находившихся у его изголовья, в момент кончины Павла VI зазвонил будильник, который Монтини ещё до войны привёз из Польши и с которым он тех пор не расставался.

Вечером 25 августа в Сикстинской капелле собрался конклав кардиналов, который продлился недолго. Уже 26 августа толпа, собравшаяся на площади перед собором святого Петра, смогла приветствовать нового Предстоятеля РКЦ. Им стал Патриарх Венецианский кардинал Альбино Лучани, избравший имя Иоанна Павла I. Объясняя свой выбор, он сказал, что решил воздать должное обоим своим непосредственным предшественникам. Лучани был, как и Папа Ронкалли, выходцем из небогатой крестьянской семьи. Он родился в октябре 1912 г. в горной деревушке на севере Италии в 120 км от Венеции. Мать его – скро-мная, набожная женщина – с раннего утра до поздней ночи тру-дилась по хозяйству. И каждую свободную минуту проводила в церкви. Отец также был настоящим тружеником. Чтобы прокормить семью, в свободное от полевых работ время уезжал на заработки в города. Работал строителем, механиком, электриком. В отличие от жены Джованни – так звали Лучани-старшего – был атеистом и активным сторонником социалистических идей. Различия мировоззренческого характера не нарушали об-щей атмосферы терпимости и взаимного доброжелательства, в которой жила семья Лучани, и отец-атеист не стал мешать сыну, когда тот решил поступить на учёбу в духовную семинарию, а затем стал священником.

За сорок с лишним лет пастырского служения Альбино Лучани проделал путь от простого священнослужителя до патриарха Венеции, члена коллегии кардиналов. В сан епископа он был рукоположен в 1958 г. Иоанном XXIII, кардиналом стал в 1973 г. при Павле VI. И на всех постах проявлял себя искренним поборником социальной справедливости, борцом против коррупции и вульгарного материализма. Церемония вступления нового Папы на престол состоялась 3 сентября. При этом по желанию Понтифика впервые за много веков коронация не проводи-

лась. Последним владельцем тиары – тройной короны, которая должна была символизировать права Папы как судьи, законодателя и священнослужителя, был Павел VI, который пожертвовал её фонд помощи нуждающимся, и Иоанн Павел I решил не возвращаться к старой традиции.

Сразу же после избрания на папский престол Иоанн Павел I активно включился в руководство церковью. Он начал детально знакомиться с деятельностью различных органов римской курии, пожелал лично изучить обширную документацию государства Ватикан, в том числе связанную с его финансами. 5 сентября Иоанн Павел I стал невольным очевидцем печального события, которое произошло в Апостолическом дворце. Буквально на руках у него скоропостижно скончался митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим, который прибыл, чтобы отдать дань памяти ушедшего из жизни Папы Монтини и поздравить с избранием нового Папу от имени РПЦ. А 29 сентября, рано утром, весь мир облетела показавшаяся невероятной весть о том, что ушёл из жизни и новый Понтифик, пробывший на престоле всего 33 дня.

4. НА РУБЕЖЕ ДВУХ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Папа из-за «железного занавеса». Конклав, из которого Лучани вышел Папой 26 августа 1978 г., оказался судьбоносным для обоих его преемников. Именно на нём впервые встретились и лично познакомились кардиналы Войтыла и Ратцингер, знавшие ранее друг друга только по публикациям. Знакомство продолжилось, когда Войтыла приехал в ФРГ в составе делегации польских епископов. Во время этой поездки (19-25 сентября 1978 г.) гости из Польши, вспоминая о трагедии 1939–1945 гг., повторили уже сделанное ими ранее, перед завершением Второго Ватиканского собора, заявление: «Прощаем и просим простить нас». Уже тогда это заявление расчистило, казалось бы, непреодолимые завалы в отношениях между двумя частями единой Римско-католической церкви, и немецкие участники собора ответили полякам письмом, составленным в аналогичных выражениях. Подтверждение обеими сторонами курса на взаимное

покаяние и прощение создало новую, уникальную ситуацию, что не могло не повлиять на исход второго конклава, созванного после кончины Папы Лучани, который умер во сне 28 сентября.

Известный американский исследователь и публицист Дж. Вейгель, ссылаясь на свою личную беседу с Ратцингером, сообщает, что смерть Папы Лучани, пробывшего на кафедре святого Петра всего 33 дня, была воспринята многими участниками конклава, как знак того, что Господь хотел бы видеть на престоле в Ватикане принципиально иного Понтифика. Позднее Ратцингер вернётся к той же теме в интервью итальянскому католическому журналу «Трента джорни»: «То, что Провидение сказало “нет” нашему выбору, стало (для нас) действительно очень большим ударом. Однако избрание Лучани не было ошибкой. 33 дня его понтификата сыграли свою роль в истории церкви. …Они были свидетельством его праведности и радостной веры. А неожиданная смерть открыла двери неожиданному выбору. Следующим Папой стал неитальянец».

На конклаве, избравшем Папой Пия XII в 1939 г., 35 выборщиков из 62 были итальянцами. В дальнейшем их доля неизменно уменьшалась: в 1958 г. при выборах Иоанна XXIII – 18 из 53, в 1963 г., когда выбирался Павел VI, – 29 из 82. В 1978 г. в коллегии, состоявшей из 111 выборщиков, Италию представляли только 27 человек. И немецким кардиналам, особую активность среди которых проявил Йозеф Ратцингер, удалось сплотить большинство голосующих в поддержку кандидатуры молодого (по сравнению с другими претендентами) выходца из страны «за железным занавесом». Первый вечер (14 октября) был заполнен молитвой, чтением правил тайного голосования, принесением присяги верности этим правилам, совместным дружеским ужином и неофициальным обменом мнениями по выдвинутым кандидатурам. Утром 15-го начались выборы – по два тура до и после обеда. Вперёд сразу же вырвались итальянцы «консерватор» Сири и любимец Павла VI «прогрессист» Бенелли, набравшие примерно по 25% голосов каждый. Небольшое число голосов получили другие, менее известные итальянские кандидаты. Следующие туры голосования существенных изменений в расклад сил не принесли, но постепенно наметилась

тенденция укрепления позиций 58-летнего кандидата из Польши Кароля Войтылы.

Папа «родился» вечером 16 октября, и это была сенсация, которая потрясла весь мир. Поздравляя своего соотечественника с избранием на престол, примас Польской церкви кардинал Стефан Вышинский напутствовал его словами: «Тебе предстоит ввести христианство в Третье тысячелетие». Напутствие старшего коллеги было воспринято Войтылой как наказ подвести черту под трагическим Вторым тысячелетием и подготовить условия для достижения всеобъемлющего единства христиан всех конфессий. И наказ этот Войтыла выполнил, пробыв на римском престоле почти 27 лет, дольше, чем кто-либо иной, за двумя исключениями: согласно «Аннуарио понтифичо», самым длительным было епископство апостола Петра, вторым по продолжительности – понтификат Пия XI. Новый Папа решил сохранить за собой имя предшественника с порядковым номером «второй». Чем ясно обозначил стратегию своего понтификата. Главным идеологом (точнее, теологом) РКЦ два года спустя, станет Й. Ратцингер, который в ноябре 1981 г. займёт должность префекта ватиканской Конгрегации вероучения и проработает на этом посту до избрания на папский престол в 2005 г. Торжественная церемония инаугурации Папы Иоанна Павла II состоялась в воскресенье 22 октября 1978 г. Именно на ней новый Понтифик произнесёт исторические слова: «Не бойтесь! Откройте, распахните настежь двери Христу! Для Его спасительной власти откройте границы государств, экономических и политических систем, широких областей культуры, цивилизации, развития». Этот призыв не мог не насторожить Кремль, отнюдь не собиравшийся открывать границы перед кем бы то ни было и уж меньше всего – перед своими идеологическими антиподами. Политбюро проигнорировало посланное Папой Брежневу приглашение направить на церемонию инаугурации делегацию из Москвы и решило ограничиться передачей Войтыле через посольство СССР в Риме благодарности «за признание вклада нашей страны в развитие человеческого прогресса». Биография и взгляды Кароля Войтылы, родившегося 18 мая 1920 г. в Вадовице, были в Москве хорошо известны. Сын военнослужащего, студент, став-

ший в годы войны рабочим и одновременно – актёром и режиссёром подпольного молодёжного театра, затем семинарист, священник, Кароль (Лолек, как называли его друзья) получил высшее религиозное образование в Риме. Став в 1958 г. епископом, а в 1964 г. архиепископом, правящим архиереем Краковского диоцеза, он проявил себя не только как учёный-богослов, но и как деятель культуры. На родине ещё в 50-е гг. его стихи печатались в еженедельнике «Тыгодник повшехны» и в ежемесячном журнале «Знак» (под псевдонимом Анджей Явень). В 1959 г. он написал пьесу в трёх актах «Золотых дел мастера». За ней последовало ещё несколько литературных произведений. Как рассказывает автор предисловия к двухтомнику его сочинений на русском языке Елена Твердислова, он с юмором отнёсся к свалившейся на него в одночасье литературной славе: «Я был несколько законспирированным до избрания Папой. Зато с того дня я оказался расконспирирован не только для Польши, но и для всего мира».

Избирая на высший пост в РКЦ и Государстве Град Ватикан гражданина ПНР, участники октябрьского конклава 1978 г., вне всякого сомнения, учитывали тот факт, что он принадлежал к церкви, которая, несмотря на все трудности, сумела сохранить влияние на общество и независимость от правительства, проводившего политику государственного атеизма. В то время как во всех без исключения странах православной традиции, начиная с нашей собственной, руководители поместных церквей восточно-христианской традиции склонились перед диктатом атеистических режимов. На эту особенность католичества, в данном случае – польского католичества, обратил внимание председатель Совета по делам религиозных культов при Совмине СССР А. Пузин. 17-страничная записка, которую он направил в начале 1958 г. двум заведующим отделами ЦК КПСС Ю.В. Андропову (отношения с компартиями соцстран) и Ф.В. Константинову (пропаганда и агитация), заканчивалась словами: Ватикан и польская католическая церковь во главе с Вышинским выступают как один из центров объединения враждебных социализму сил в Польше..., против всех стран народной демократии, против СССР. Из этого должны быть сделаны соответствующие

выводы для практической деятельности центральных и местных партийных и государственных органов. Ну что ж, автор записки в ЦК по-своему был прав, так как исходил из постулата о социалистическом характере советского государства и стран «народной демократии», которым угрожает религия вообще и като-личество в особенности. С этим постулатом, естественно, не были готовы согласиться поляки, которые первыми в Восточной Европе вступили в мирное гражданское противостояние ре-жиму тотального государственного атеизма.

И нет ничего удивительного в том, что, как рассказал в монографии об Иоанне Павле II известный итальянский ватиканист Луиджи Аккаттоли, который освещал для печати многие зарубежные поездки Папы, в том числе и его первый визит в ПНР 2-10 июня 1979 г., за девять дней пребывания Понтифика в родной стране религия выплеснулась на улицы и площади городов и вовлекла в свою орбиту миллионные массы людей. Понтифик не выступал с прямой критикой режима, но его слушатели хорошо поняли, как им надо жить дальше, услышав слова, произнесённые им в Ченстохове 5 июня: «Нужен диалог, способный обеспечить жизненные интересы всех граждан, всех верующих и их церкви, к которой принадлежит подавляющее большинство поляков». К удивлению и ужасу ЦК КПСС, основу оппозиции властям составил рабочий класс. Это признал и человек, который находился «по другую сторону» линии невидимого фронта, – военный атташе СССР в Польше генерал А.А. Хоменко, выпустивший недавно книгу своих воспоминаний.

Офицер Советской армии, участвовавший в освобождении Польши в годы Второй мировой войны, он снова оказался в этой стране в разгар антиправительственных выступлений и сразу же даёт понять, что был готов выполнить приказ об участии в «силовом» разрешении конфликта, если бы такой приказ поступил из Москвы. Приказ этот, однако, не пришёл ни при Брежневе, ни при его преемниках Андропове и Черненко, не говоря уже о Горбачёве. В декабре 1981 г. «Солидарность» требовала проведения референдума по вопросам руководящей роли компартии и отношений между Польшей и Советским Союзом. Результаты этого референдума предугадать было нетрудно, пишет автор

книги. Оппозицию поддерживало практически всё население страны и до 80% личного состава вооружённых сил, и поэтому ПОРП согласиться на референдум не могла. 13 декабря в Польше было введено военное положение, руководители «Солидарности» арестованы. Но «В. Ярузельский в душе оставался человеком религиозным, для которого авторитет главы церкви был непререкаемым». Именно это обстоятельство склонило чашу весов в сторону от фронтального столкновения двух сторон, столкновения, характер которого можно было легко предвидеть, учитывая, что (здесь советский генерал цитирует польского) «взрослое население Польши почти сплошь охотники, во всяком случае, почти в каждой семье имеются ружьё и патроны к нему, и если поляков довести до определённой черты, то мало уже никому не покажется, остановить их будет невозможно». Советское руководство, уже обжегшееся на Афганистане, на новую авантюру не пошло. Его ожидали кардинальные перемены на родине.

Миротворчество и экуменизм. 24 января 1979 г., в канун первого отъезда за пределы Италии (в Доминиканскую республику, Мексику и на Багамы), Иоанн Павел II впервые встретился с А.А. Громыко и, отметив, что министр иностранных дел СССР уже не раз бывал в Ватикане, напомнил, что при Павле VI «был начат весьма важный диалог с Советским Союзом на благо упрочения мира на земле». После чего заверил посланца Москвы, что «также намерен самым решительным образом действовать в этом направлении, поскольку на личном опыте знает, что такое война». При этом Папа не забыл сказать, что «для того, чтобы церковь могла активнее работать в интересах мира, ей нужны соответствующие условия». Таких гарантий его собеседник, естественно, дать в 1979 г. не мог. Зато в сфере международных отношений оба они нашли общий язык, когда вновь встретились в октябре того же года в Нью-Йорке во время приезда Иоанна Павла II на сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Программная речь в ООН и последующие публичные выступления Понтифика перед огромными аудиториями американцев дали ему возможность не только воздать должное их вкладу в утверждение идеалов свободы, в том числе религиозной, но и при-

влечь внимание слушателей к проблеме выживания человечества в условиях быстрого нарастания международной напряжённости, когда интересы военно-промышленного комплекса по обе стороны «железного занавеса» взяли верх над «духом Хельсинки», от которого не осталось ровным счётом ничего всего лишь четыре года спустя после подписания Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

В программной энциклике «Redemptor Hominis», опубликованной в марте 1979 г., Иоанн Павел II со всей силой подчеркнул, что «нужда и голод на земном шаре могли бы быть в кратчайшие сроки ликвидированы, если бы гигантские милитаристские бюджеты, служащие войне, были направлены на производство необходимых средств существования». А в 1980 г. в энциклике «Dives in Misericordia» высказал опасение, что военный конфликт, развязанный при наличии у противоборствующих сторон нынешних ядерных арсеналов, может привести к «частичному уничтожению человечества». На опасность сползания к рукотворному апокалипсису быстро откликнулась Папская академия наук. Высшее научное учреждение Ватикана существует в нынешнем виде с 1936 г. и, согласно действующему уставу, призвано содействовать развитию математических, физических и естественных наук и изучению связанных с этим проблем познания. Члены академии назначаются лично Папой, но не подчинены руководству РКЦ. Ими могут быть известные научные деятели различных стран, независимо от национальности и религиозных взглядов.

В мае 1980 г. ПАН создала рабочую группу, члены которой были приняты Понтификом для обмена мнениями по вопросу об угрозе ядерной войны и разрушениях, вызываемых атомной бомбардировкой: Вторая рабочая группа, в состав которой вошли 14 учёных из пяти стран (СССР, США, Франции, Италии и Бразилии), планировала собраться в мае 1981 г., но из-за покушения на Папу Иоанна Павла II отложила заседание до октября. Подготовленный ею документ, касающийся медицинских последствий атомных бомбардировок, по инициативе Святого престола был вручён руководителям США, СССР Франции, Великобритании, а также генеральному секретарю Организации Объеди-

нённых Наций и председателю Генеральной Ассамблеи ООН.

Бурная активность Папы-поляка не могла не беспокоить противников его идей, и 13 мая 1981 г. на него было совершено покушение. Во время общей аудиенции на площади святого Петра в Риме наёмный убийца (или преступник-одиночка?) турецкий террорист Али Агджа лишь чудом не достиг своей цели, его выстрелы поставили Иоанна Павла II на грань жизни и смерти. Этим чудом, по убеждению Папы, стало заступничество Богородицы. Она предсказала чудовищные катаклизмы XX столетия ещё в 1917 г., явившись трём португальским детям – сельским пастушкам: 9-летней Лусии, её 8-летнему двоюродному брату Франсишку и 6-летней двоюродной сестре Жасинте неподалёку от города Фатима. Первое явление Богоматери произошло 13 мая, после чего они повторялись каждый следующий месяц вплоть до 13 октября. Из записи предсказаний, зафиксированных Лусией (повзрослев, она стала монахиней, а двое младших умерли в детском возрасте), следовало, что человечество переживёт заблуждения, которые, родившись в России, распространятся по всему миру, «будут войны и целые народы будут уничтожены», однако в конце концов «Россия обратится к вере и миру на некоторое время будет дарован мир». Во время одного из явлений Богородица упомянула «епископа, одетого в белое» (в нём толкователи предсказания увидели Папу Римского). Вместе с другими епископами, священниками и монашествующими он поднимался в гору, пересёк наполовину разрушенный город и, пав на колени перед крестом, был убит стоявшими рядом солдатами.

Папа Войтыла ознакомился с этим текстом, когда находился в больнице после покушения, и пришёл к выводу, что там описывается то, что произошло с ним на площади святого Петра. «Траекторию пули изменила Материнская рука, – сказал он на встрече с пришедшими навестить его итальянскими епископами». Иоанн Павел II выполнил переданную ему сестрой Лусией просьбу Фатимской Богоматери, посвятив её сердцу не только Россию, но и весь мир. Позднее он скажет: «Могу ли я забыть, что покушение произошло в тот день и час, когда в португальской Фатиме вспоминается первое явление Матери Христа бедным деревенским детям? Ведь во всём, что именно в этот

день случилось со мной, я ощутил Её необыкновенную материнскую заботу и защиту, оказавшуюся сильнее смертельной пули». В конце марта 1982 г. ПАН организовала в Лондоне совещание небольшой группы учёных, не являющихся её членами, для разработки нового документа о растущей угрозе войны. К лету того же года работа была завершена. Подготовленный текст разослали президентам Академий наук разных стран (в том числе РАН). Так родился второй антивоенный документ Папской академии – «Декларация о предупреждении ядерной войны». А в январе 1985 г. члены ПАН единодушно высказались против милитаризации космического пространства. Эту позицию почти единодушно (238 голосами против 90) поддержала в мае 1983 г. Национальная конференция католических епископов США. В этот момент представители Ватикана посоветовали американским католикам несколько смягчить свою позицию, что не помешало самому Папе осудить наземную организованную Вашингтоном в январе-феврале 1991 г. военную операцию против Ирака, а позднее – и другие силовые акции США и НАТО.

В самом начале своего понтификата Иоанн Павел II посетил один за другим три особо значимых центра христианского мира: «первый среди равных по чести» в православии Константинопольский Патриархат (28-30 ноября 1979 г.), резиденцию фактического руководителя Церкви Англии архиепископа Кентерберийского (29 мая 1982 г.) и штаб-квартиру Всемирного совета церквей в Женеве (12 июня 1984 г.). Намеревался Папа побывать и в Москве, надеясь вступить в личный контакт с Предстоятелем РПЦ, которая одна насчитывала (и насчитывает) больше членов, чем все остальные православные церкви, вместе взятые. Папу-поляка, однако, по разным причинам в России видеть не захотели. Не состоялась такая встреча на высшем уровне и за пределами нашей страны.

Параллельно предпринимаются попытки завязать диалог с представителями нехристианских религий. В августе 1984 г. Иоанн Павел II выступает с проповедью перед молодыми последователями ислама в Касабланке (Марокко). Позднее он повторит этот опыт во время поездок в другие страны мусульманско-

го ареала. А 13 апреля 1986 г. посещает римскую синагогу. Для него лично это был уже не первый жест в сторону евреев. До избрания на престол в Ватикане он приходил в дома молитвы иудеев в Кракове и Вадовице, а 7 июня 1979 г. во время первого визита на родину в своём новом качестве напомнил о геноциде евреев, выступая с проповедью на территории концлагеря Освенцим. Но ни один Папа Римский до 1986 г. не входил в синагогу за всю историю церкви. При этом Войтыла не просто решился на этот жест и дважды обнял главного раввина Италии Элио Тоаффа, но и назвал встретивших его руководителей иудейской общины «нашими еврейскими братьями».

Центральным межрелигиозным форумом 1986 г. стала первая встреча в Ассизи (Центральная Италия) по случаю провозглашённого Иоанном Павлом II Всемирного дня молитвы за мир. В ней участвовали 160 официально приглашённых членов 60 делегаций, представлявших 32 христианских, 2 еврейских и 26 других религиозных структур. На призыв Понтифика откликнулись, помимо его единоверцев, Константинопольский, Антиохийский, Московский, Грузинский, Румынский и Болгарский православные патриархаты, ряд других автокефальных церквей, два армянских апостольских католикосата, Церковь Англии, Всемирный совет церквей и централизованные структуры лютеран, методистов, баптистов и многих других протестантских церквей, а также иудеи, буддисты (во главе с Далай-Ламой), мусульмане (в личном качестве), сикхи, синтоисты, джаинисты и последователи некоторых экзотических культов Африки, Азии и Южной Америки. После молчаливой молитвы в храме Пресвятой девы Марии религиозные деятели, разделившись на несколько групп по числу представляемых ими вероисповеданий, двинулись к различным точкам города, где провели богослужения по своим обрядам. Заключительная церемония дня прошла на центральной площади города, где представители всех вероисповеданий опять сотворили молитву о мире, на этот раз по очереди, один за другим, в присутствии иноверцев.

Не прошло и двух лет, как в нашей стране, где режим воинственного атеизма официально никто ещё не отменял, прошли, причём при участии высших должностных лиц государства,

торжества по случаю 1000-летия крещения Руси. Ватикан направил в СССР беспрецедентно многочисленную делегацию во главе с государственным секретарём кардиналом Казароли. Раз-мах и характер торжеств не могли не вызвать недовольства зна-чительной части советской номенклатуры. Недовольство это выплеснулось и в зал собравшейся практически сразу же после юбилея XIX всесоюзной партконференции КПСС. Типичным проявлением таких настроений стал переданный в президиум конференции текст речи первого секретаря Винницкого обкома Л.Л. Криворученко. Его возмутил тот факт, что «происходит встреча партийных и государственных деятелей со священнослужителями, отдаём им Большой театр для торжеств, организуем праздничный концерт и всё это показываем по телевидению, освещаем в печати. С одной стороны, говорим, что религия – это опиум для народа, а с другой фактически пропаганди-руем религию». Общество, однако, требовало перемен, и рожде-ние религиозной свободы стало для большинства граждан стра-ны, в том числе и для миллионов рядовых членов партии, символом расставания с официальным единомыслием.

После юбилея и конференции КПСС началось постепенное, но всё убыстряющееся открытие храмов РПЦ и других религиозных объединений, и это было начало крушения строя, получившего за рубежом имя «танкового социализма» (какой строй придёт ему на смену в бывшем СССР и в странах бывшего «социалистического содружества» – другой вопрос, который выходит за рамки темы настоящего доклада). Установление религиозной свободы в СССР дало зелёный свет первым контактам между нашей страной и Ватиканом на высшем уровне. Визиты к Папе дважды (11 декабря 1989 г. и 18 ноября 1990 г.) нанёс М.С. Горбачёв, а год спустя, сразу же после встречи президентов России, Белоруссии и Украины в Беловежской пуще, и Б.Н. Ельцин, который прямо из Ватикана направился в Алма-Ату, где 21 декабря 1991 г. к этой «тройке» присоединились руководители других советских республик. Во время первой личной беседы Иоанна Павла II с М.С. Горбачёвым было решено придать официальный характер отношениям между СССР и Вати-

каном, а в марте 1990 г. в осуществление этой договорённости Советский Союз и Святой престол условились обменяться официальными представителями, соответственно в ранге чрезвычайного и полномочного посла (со стороны СССР) и апостолического нунция по особым поручениям (со стороны Ватикана). А личное знакомство Папы с Ельциным положило начало международному признанию Российской Федерации как наследницы советской «сверхдержавы» и самостоятельного субъекта международных отношений. Все последующие визиты к Войтыле сначала Ельцина, а затем Путина, по существу носили протокольный характер и ничего существенно нового к этим первым договорённостям не прибавили.

На рубеже 80-х и 90-х гг. большую остроту приобрёл вопрос о судьбе самой многочисленной среди католических структур византийского обряда – Украинской греко-католической церкви (5 млн верующих). Будучи разгромлена в 1946 г. советскими спецслужбами по личному указанию Сталина при соучастии тогдашнего Священноначалия РПЦ, она в годы горбачёвской перестройки неожиданно возродилась из пепла, как птица Феникс, и потребовала вернуть храмы, сорок лет использовавшиеся Московским Патриархатом. После торжеств, посвящённых 1000-летию крещения Руси униаты, которых Московский Патриархат привык считать своей паствой, двинулись в обратном направлении, под омофор Папы Римского. Остановить эту лавину силовыми методами было уже невозможно, и, следуя подсказке своих старых «кураторов», тяжело больной Патриарх Пимен подписал (16 августа 1989 г.) письмо Иоанну Павлу II с предложением совершенно фантастического «компромисса». В письме предлагалось разделить униатов на тех, кто был готов и далее оставаться в церковной ограде русского православия, и тех, для кого дороже «католичность». Этих последних, по логике Пимена, надо было лишить права молиться по древнему греческому обряду и перевести в церковь латинского обряда. Таким образом, с греко-католическим богослужением было бы покончено раз и навсегда.

В защиту прав украинских униатов выступил только что вернувшийся из ссылки академик А.Д. Сахаров. Встретившись

в римском Центре «Экуменическая Россия» с духовным вождём греко-католиков Мирославом Иваном Любачивским, он заявил, что будет бороться за религиозную свободу и для униатов, и для всех верующих Советского Союза, подвергавшихся притеснениям в годы государственного атеизма. Корректный и даже взаимоуважительный диалог православных с униатами был в тот момент возможен. Чтобы открыть к нему путь, РПЦ должна была покаяться за соучастие в уничтожении 5-миллионной Украинской греко-католической церкви и присвоении её собственности, а греко-католики – за союз, правда, недолгий, с гитлеровскими захватчикам и соучастие в совершавшихся ими преступлениях. К этому, однако, ни та, ни другая сторона готова не была. В результате созданная по совместной инициативе Ватикана и РПЦ четырёхсторонняя комиссия с участием украинских православных и греко-католиков, собравшись один единственный раз (13 марта 1990 г.), прекратила своё существование из-за выхода из неё представителей УГКЦ. Решение спорных вопросов попало в руки местных националистически настроенных политиков и православных раскольников, затеявших собственную игру, вопреки реальным интересам верующих. А среди униатов широкую популярность приобрёл лозунг: «Москва нам не мать, но и Рим не отец». После чего РПЦ вышла из диалога православных с католиками и добилась, чтобы этот диалог был ограничен проблемами унии и «прозелитизма» – переманивания православных в РКЦ.

В ответ на эти обвинения РКЦ издала специально для нашей страны в переводе на русский язык сборник своих официальных документов по данному вопросу. В нём была приведена полностью формулировка Кодекса канонов 1990 г., согласно которой «никому не должно осмеливаться на то, чтобы каким-либо образом призывать того или иного верующего к переходу в другую церковь». Ещё один документ Ватикана, озаглавленный: «Общие принципы и практические нормы для координации евангелизаторской деятельности и экуменического обязательства католической церкви в России и других странах СНГ», был составлен после встречи с представителями РПЦ в Женеве 1-2 марта 1992 г. Он торжественно провозглашал: «Так называемый

прозелитизм, т.е. любое давление на совесть,… не представляет метода, которым вдохновляются пастыри католической церкви». В то же время, возвращаясь к судьбе украинских униатов, авторы документа писали: «Нельзя назвать “прозелитизмом” тот факт, что целые общины во главе со своими священниками, которые были вынуждены признавать себя православными в годы уничтожения и преследования ради того, чтобы выжить, вновь обретя свободу, заявили о своей принадлежности к Греко-католической церкви».

К единству через покаяние. Первым актом инициированного Папой из Польши непростого самоанализа стало возвращение церкви к печально знаменитому «делу Коперника». Созданная ещё в июле 1981 г. комиссия, в состав которой вошли два кардинала, президент Папской академии наук, директор ватиканской астрономической обсерватории, председатель Папского комитета исторических наук и некоторые другие известные деятели, после 11-летнего тщательного изучения досье Н. Коперника полностью его реабилитировала. Вслед за началом процесса реабилитации великого польского астронома Войтыла, приехав в Мадрид, вспоминает об «ошибках» и «эксцессах» испанской инквизиции (ноябрь 1982), в Вене говорит о необходимости покаяться за религиозные войны в Европе (сентябрь 1983), в Санто-Доминго признаёт ответственность церкви за жестокое обращение конквистаторов с индейцами при завоевании Латинской Америки (октябрь 1984), в Яунде (Камерун) просит прощения за соучастие представителей церкви в работорговле (август 1985).

Шестнадцать лет спустя после избрания на престол Иоанн Павел II созвал (в июне 1994 г.) чрезвычайное заседание кардинальской коллегии и поставил на нём вопрос о mea culpa – покаянии церкви перед Богом и людьми. Кардиналам предстояло высказаться по поводу «Размышлений о Великом Юбилее 2000 года» (так была озаглавлена заранее разосланная участникам заседания 23-страничная записка, авторство которой первоначально было известно лишь узкому кругу посвящённых). Окружение Римского первосвященника встретило изложенные в запискё идеи и предложения более чем сдержанно. Сотруднику италь-

янской газеты «Коррьере делла сера» Луиджи Аккаттоли удалось раздобыть подготовленный Государственным секретариатом Ватикана материал, резюмирующий первую реакцию членов кардинальской коллегии. В нём указывалось, что «некоторые высокопреосвященные кардиналы призвали к максимальной осторожности и осмотрительности, учитывая деликатный характер этого трудного вопроса».

По данным того же Аккаттоли, католические архиереи из Восточной Европы выразили опасение, как бы не сыграть на руку атеистам. Члены коллегии из стран «третьего мира» заявили, что предвидят осложнения в отношениях с неофитами. А итальянский кардинал Джакомо Биффи изложил сомнения по поводу целесообразности, как он выразился, «церковной самокритики» в 4-страничном тексте, задав риторический вопрос: «Не лучше ли отложить грехи истории до страшного суда?» В итоге, констатирует Л. Аккаттоли, «Папа не убедил кардиналов и решил идти вперёд, пусть даже в одиночку». 10 ноября 1994 г. Иоанн Павел II подписывает Апостолическое послание, из которого мы приведём самые актуальные в создавшейся тогда обстановке постулаты: 1) Одна из самых горячих молитв в этот исключительный час, когда близится новое тысячелетие, та, в которой Церковь просит Господа о возрастании единства всех христиан разных конфессий вплоть до полноты общения. 2) Ныне, в конце второго тысячелетия христианства, правильно было бы, чтобы Церковь острее осознала и взяла на себя грехи своих чад, памятуя обо всех обстоятельствах, при которых они в ходе истории удалялись от духа Христа и Его Евангелия. 3) Приближение конца второго тысячелетия всех нас побуждает к анализу своих проступков и полезным экуменическим начинаниям, дабы в великий Юбилей мы могли предстать если и не полностью едиными, то, по крайней мере, намного более приблизившимися к преодолению разделений второго тысячелетия.

Зная, что православные, поборники соборности, не отрицая «примата чести» Пап первого тысячелетия, отвергают догмат об их высшей юридической власти над всеми христианскими структурами и каждым из их членов, Иоанн Павел II предпринял беспрецедентно смелый шаг, на который не мог решиться

ни один из его предшественников за всю историю РКЦ. 25 мая 1995 г. он подписал вызвавшее сенсацию во всём мире Окружное послание «Да будут все едино» («Ut Unum Sint»), в котором сделал шаг навстречу церковной соборности, заявив: «Когда Католическая Церковь утверждает, что служение Римского епископа отвечает воле Христовой, она не отделяет это служение от миссии, вверенной всем епископам как “наместникам и посланникам Христа”. Римский епископ принадлежит к их “коллегии” – они его братья в служении… На протяжении целого тысячелетия христиане были объединены братским общением веры и сакраментальной жизни, причём Римский Престол по общему согласию был руководящим началом в тех случаях, когда возникали разногласия относительно веры или дисциплины. Таким образом, первенство осуществлялось в своём объединяющем действии. Обращаясь к Его Святейшеству Вселенскому Патриарху Димитрию I, я заявил ему о своём осознании того факта, что “по весьма разнообразным причинам и вопреки воле как одних, так и других, то, что должно было быть служением, иногда получало свое проявление в совершенно ином виде”... Горячо молю Святого Духа даровать нам Свой свет и просветить им всех пастырей и богословов наших Церквей, чтобы мы вместе смогли найти такие формы исполнения этой миссии, в которых могло бы осуществляться признанное и теми, и другими служение любви». И далее: «Это величайшая задача, от которой мы не вправе отказаться и выполнить которую мне одному не по силам».

Последние годы пребывания Иоанна Павла II на папском престоле, особенно период подготовки и проведения торжеств юбилейного 2000 г., оказались для него временем тяжёлых испытаний, одновременно физических и моральных. К числу первых относится, прежде всего, прогрессирующее ухудшение состояния здоровья Понтифика. Главным среди вторых стало крушение надежд на скорое осуществление мечты о единстве христиан. Папа Войтыла до конца своих дней переживал, что не смог осуществить заветную мечту – встретиться также и с Предстоятелем Русской православной церкви. Оба они долго готовились к этой встрече, однако она так и не состоялось. На пути к

ней встали стереотипы взаимного восприятия западных и восточных христиан, накопившиеся за столетия отсутствия прямого доверительного общения между ними. Убедительное объяснение возникших трудностей дал, пожалуй, генеральный секретарь Конференции католических епископов России священник Игорь Ковалевский. Выступая в Институте Европы в ноябре 2004 г. на международной научной конференции «Религиоз-ная толерантность – историческое и политическое измерение», среди главных трудностей на пути к диалогу он назвал внутрен-ние проблемы каждой из двух церквей. Автокефальных православных церквей – пятнадцать, и диалог между Римом и Москвой строится совсем не так, как между Римской католической и Константинопольской. Кроме того, существуют проблемы между Московским Патриархатом и Константинопольским, между Константинопольской церковью и Эллапдской и т.д. То же самое можно сказать и о Римской католической церкви. В ней, выражаясь светским языком, более сильная вертикаль власти, и, тем не менее, внутренние проблемы и в Римской католической церкви также существуют. Есть сторонники более открытых диа-логов с православием и с другими конфессиями, но есть и противоположное мнение.

Иоанн Павел II не отказывается, однако, от идеи покаяния. Сознавая, что времени и сил у него остаётся всё меньше, он торопится внести максимально возможный вклад в продвижение к единству всех христиан и в 1999 г. выступает с заявлением, вызвавшим широкий отклик во всём мире: «Признание первородного греха побуждает Церковь просить прощения за “историческую” вину своих сыновей. Прекрасным поводом для этого является великий юбилей 2000 года, когда, следуя урокам Второго Ватиканского собора, мы намереваемся открыть новую страницу истории, чтобы снять препятствия на пути к преодолению того, что разделяет людей и, в частности, христиан». Иоанн Павел II снова и снова подчёркивает, что РКЦ «не боится исторической правды и готова признать ошибки, особенно когда речь идёт об уважении человеческой личности и человеческих обществ». «Я думаю, прежде всего, о болезненной реалии раскола христиан, – сказал он. – Разделения прошлого, ви-

на за которые, конечно же, лежит на обеих сторонах, остаются скандалом перед лицом всего мира».

«Второй акт покаяния, – продолжает Папа, – касается нетерпимости и даже насилия, прикрывавшихся мотивами служения истине. Хотя многие прибегали к этим методам как бы из самых лучших побуждений, мы ни в коем случае не можем признать соответствующим Евангелию путь навязывания истины силой. Покаяние распространяется и на молчание в силу слабости или неправильной оценки, как и на проявление нерешительности или просто неподобающее поведение. В этом, как и в других случаях, никакие ссылки на смягчающие обстоятельства не освобождают церковь от обязанности выразить самое глубокое сожаление в связи с тем, что так много её сынов исказили её образ».

Последние годы жизни Папы прошли под знаком тяжёлой болезни и отсутствия какого-либо прогресса в отношениях между «Первым» и «Третьим Римом». Как рассказал в своих мемуарах наш известный дипломат, официальный представитель РФ в Ватикане чрезвычайный и полномочный посол Геннадий Васильевич Уранов, Иоанн Павел II мечтал о придании отноше-ниям между Святым престолом и Россией формата полномасштабных дипломатических отношений. Его позицию разделял и государственный секретарь Ватикана Жан-Луи Торан, заявив-ший в интервью журналу «Международная жизнь»: «Моей самой большой мечтой является полная нормализация наших отношений. Вы знаете, что мы имеем только официальные отношения, но не имеем дипломатических. Думаю, в перспективе мы сможем нормализовать наши отношения, поскольку трудно объяснить общественности, почему у нас значительное совпаде-ние взглядов, но мы до сих пор не имеем нормальных диплома-тических отношений». За эту нормализацию ратовал в своих за-писках в МИД и сам Г.В. Уранов всякий раз, когда возникала «угроза» достижения договорённости с Папой-славянином. В результате полномасштабные дипломатические отношения меж-ду Российской Федерацией и Святым престолом стали реальностью только в апреле 2009 г., после смерти Папы-славянина.

Тем временем в нашей стране за Ватиканом всё явственнее закреплялся образ врага. Одним из первых поводов для этого стало подписание Иоанном Павлом II в 1997 г. письма Б.Н. Ельцину с просьбой не допустить ущемления прав католиков в готовившемся к принятию Законе о свободе совести и о религиозных объединениях. Следующая вспышка напряжённости произошла после того, как Иоанн Павел II преобразовал 11 февраля 2002 г. временные структуры католичества в России (Апостолические администратуры) в регулярные (три епархии и одну архиепархию в составе одного митрополичьего округа с центром в Москве). К резкой критике этого решения со стороны РПЦ подключились властные структуры российского государства. Из России были высланы многие католические священники и один епископ – гражданин Польши. По стране прокатились митинги соответствующей направленности. В антиватиканскую кампанию включились известные средства массовой информации. Постепенно, однако, страсти начали стихать, и после визита в Москву в феврале 2004 г. председателя Папского совета по содействию христианскому единству кардинала Каспера в Москве была создана совместная рабочая группа по рассмотрению и урегулированию проблем, существующих между РПЦ и РКЦ в России.

Социальная доктрина Иоанна Павла II. Последней масштабной инициативой Папы Войтылы стало сведение воедино основных положений социальной доктрины католичества и их дополнение новыми элементами. Их обобщение было поручено Папскому Совету «Справедливость и мир» и завершено к весне 2004 г. Первая часть подготовленного к этому моменту документа, который получил название «Компендиума социального учения церкви», напоминает о социальных энцикликах предшественников Папы-поляка и решениях Второго Ватиканского собора, после чего приводит список прав, перечисленных Иоанном Павлом II в энциклике «Centesimus annus» и в речи на Генеральной Ассамблее ООН 2 октября 1979 г.: «Право на жизнь, включающее право ребёнка развиваться в материнской утробе с момента зачатия; право жить в единой семье и в нравственной среде, способствующей развитию личности; право развивать

ум и свободу в поисках и познании истины; право участвовать в труде по использованию благ земли и зарабатывать этим трудом на жизнь себе и своим близким; право свободно создать семью, принимать и воспитывать детей, ответственно распоряжаясь своей сексуальностью. В определённом смысле источник и синтез этих прав – религиозная свобода, понимаемая как право жить по истине своей веры, сообразно трансцендентному достоинству своей личности».

Далее в документе говорится, что «христианская традиция никогда не признавала право на частную собственность абсолютным и неприкосновенным. Напротив, она всегда рассматривала это право в самом широком контексте общего права всех Пользоваться благами всего творения: право частной собственности подчинено праву на общее пользование, всеобщему предназначению благ… Частная собственность, какие бы конкретные формы ни принимали связанные с ней режимы и юридические формы, по сути есть только инструмент для соблюдения принципа всеобщего предназначения благ, а значит, в конечном итоге, не цель, а средство… Принцип всеобщего предназначения благ требует проявлять особенную заботу о бедных, о тех, кто оказался в маргинальном положении, и вообще о людях, чьи условия жизни препятствуют нормальному возрастанию».

«Участие в жизни сообщества, – подчёркивают составители Компендиума, – не только одно из сильнейших стремлений гражданина, призванного свободно и ответственно исполнять свою гражданскую функцию вместе с другими и для других, но и одна из опор всего демократического строя, а также одна из величайших гарантий стабильности демократии. Правительство определяется как демократическое исходя из того, что народ передаёт ему власть и функции, которые оно осуществляет от имени народа и во благо народа… Это значит, что различных субъектов гражданского сообщества следует информировать, выслушивать и вовлекать в осуществление его функций. Беспокойство вызывают страны с тоталитарным или диктаторским режимом, в которых основное право участвовать в общественной жизни отрицается в корне, поскольку рассматривается как угроза государству; страны, в которых это право провозглаше-

но только формально, а на практике не может быть реализовано; а также страны, в которых непомерное разрастание бюрократического аппарата фактически лишает гражданина возможности активно участвовать в социальной и политической жизни».

Вторая часть «Компендиума» охватывает широкий спектр тем, включая семью, труд, экономическую и политическую жизнь общества, международные отношения, защиту окружающей среды. Отмечается, что труд присущ изначальному состоянию человека, не является ни наказанием, ни проклятием. Его следует поощрять, потому что это источник богатства или, по крайней мере, достойных жизненных условий и вообще – действеннее средство против бедности. Но нельзя поддаваться искушению обожествлять его, потому что в нём невозможно найти окончательный смысл жизни. Труд существенно важен, но источник жизни и цель человека – Бог, а не труд. Кроме того, человеческому труду внутренне присуще социальное измерение. Социальное учение рассматривает отношения между трудом и капиталом, выявляя как главенство первого над вторым, так и их взаимодополняемость. Выражением связи между ними служит, в частности, причастность трудящихся к собственности, участие в управлении ею и в распоряжении её плодами. Составители документа констатируют, что отношения между трудом и капиталом зачастую характеризуются конфликтностью. В странах, которые принимают иммигрантов, учреждения должны следить за тем, чтобы не распространялось искушение эксплуатировать иностранную рабочую силу, лишая её прав, гарантированных местным работникам. Католичество признаёт законность забастовки, если все остальные методы преодоления конфликтов оказались неэффективными. Оно признаёт также основополагающую роль профсоюзов, видя в них конструктивный фактор социального порядка и солидарности, а значит – необходимый элемент общественной жизни. Среди функций профсоюзов – воспитание общественного сознания трудящихся.

Признавая за рынком функцию незаменимого инструмента внутреннего регулирования экономической системы, составители Компендиума подчёркивают необходимость увязать его с

моральными целями, которые бы обеспечивали и, в то же время, должным образом ограничивали пространство его автономии. Представление о том, что можно предоставить исключительно рынку распределение всех категорий благ, не выдерживает критики, поскольку основывается на редукционистском видении личности и общества. Учитывая опасность «идолопоклонства» перед рынком, католические богословы и социологи констатируют, что существуют блага, которые «по своей природе не могут быть просто товаром», блага, которыми нельзя распоряжаться по типичным для рынка правилам «эквивалентного обмена» и договорной логике… Нужно, чтобы рынок и государство действовали согласованно и дополняли друг друга. Свободный рынок может приносить пользу человеческому коллективу, только если государство, соответствующим образом организованное, определяет направление экономического развития, заставляет соблюдать справедливые и прозрачные правила и вмешивается даже напрямую – строго в течение необходимого времени – в случаях, когда рынку не удаётся достичь желаемой эффективности. Новые надежды порождает глобализация, но она же ставит и тревожные вопросы.

Политическая власть должна гарантировать обществу упорядоченную и честную жизнь, не подменять собой свободную деятельность отдельных людей и групп, но дисциплинировать и направлять её к осуществлению общего блага. Народ делегирует, в различных формах, реализацию своего суверенитета тем, кого свободно избирает в качестве своих представителей, контролируя деятельность правителей и даже сменяя их, если они не исполняют удовлетворительно свои функции. Хотя это право действительно для любого государства и при любом политическом режиме, система демократии позволяет осуществлять его наилучшим образом. Сопротивление угнетению со стороны власти не должно побуждать к применению оружия, хотя в некоторых определённых случаях не исключается и такой вариант. Подлинная демократия – плод сознательного принятия таких ценностей, как достоинство каждой человеческой личности, соблюдение прав человека, признание «общего блага» целью и критерием, регламентирующим политическую жизнь. За-

дача политических партий – благоприятствовать всеобщему доступу к общественной ответственности. Один из главных инструментов демократии – информация. Необходимо обеспечить реальный плюрализм в этой деликатной области социальной жизни. Перед Церковью не стоит задача оценивать достоинство политических программ, если речь не идёт об их религиозных и нравственных следствиях, что не исключает возможности сотрудничества Церкви и политического сообщества.

Построение подлинного международного сообщества должно быть ориентировано на универсальное общее благо. Католичество признаёт важность национального суверенитета, но нации могут свободно отказаться от некоторых своих прав ради об-щей цели, сознавая, что составляют «семью», в которой должны царить взаимное доверие, поддержка и уважение. Для разрешения конфликтов необходимо опираться на общие правила, вырабатываемые в ходе переговоров, и решительно отвергнуть идею о достижении справедливости посредством войны. Церковь внимательно следит за движением к подлинному мировому «сообществу», обретшим чёткое направление с учреждением Организации Объединённых Наций в 1945 г. Забота об упорядоченном и мирном сосуществовании побуждает к признанию необходимости установления некой всемирной обществен-ной власти, признаваемой всеми, власти, которая могла бы обес-печить всем и безопасность, и соблюдение справедливости, и уважение прав. Дипломатическая служба Святого Престола действует не только ради «libertas Ecclesiae» (свободы Церкви), но и ради защиты и утверждения человеческого достоинства, а также ради социального порядка, основанного на ценностях справедливости, истины, свободы и любви.

Последняя, третья часть «Компендиума» озаглавлена: «Социальное учение и церковное действие». В ней подчёркивается, что «войдя в Третье тысячелетие христианской эры, члены церкви должны открыться, через своё свидетельство, всем людям, вместе с которыми они будут работать над самыми насущными проблемами нашего времени». Заканчивается же документ словами Иоанна Павла II из его послания к Всемирному дню мира 2004 г.: «Человечество обретёт подлинный и устойчивый

мир, только если воцарится цивилизация любви». Иоанн Павел II вы-полнил завет своего соотечественника кардинала Вышинского и перевёл Римскую католическую церковь через рубеж тысяче-летий. Из жизни он ушёл 2 апреля 2005 г.

5. «ПАПА, КОТОРЫЙ НАС УДИВИТ»

Профессор-прогрессист. Взятый в кавычки заголовок этой главы заимствован из последнего абзаца книги пользующегося доверием Ватикана сотрудника газеты «Джорнале» Андреа Торниелли. Приведём и полный текст этого абзаца: «"Переходный" Папа Йозеф Ратцингер, старший сын баварского жандарма, человек, который четверть века сам охранял католическую доктрину, нас удивит. Этот Понтифик, проявляя твёрдость в доктринальных вопросах, проведёт знаменательные реформы». Предсказание столь же категоричное, как и смелое, если учесть, что монография вышла практически сразу же после вступления Бенедикта XVI на престол.

Йозеф Алоиз Ратцингер родился 16 апреля 1927 г. в Марктльам-Инн (Германия) и был третьим, младшим ребёнком в семье служащего немецкой полиции Йозефа Ратцингера-старшего. Как отмечает Католическая энциклопедия, учась в гимназии, в 1941 г. он был вынужден вступить в молодёжную организацию Гитлерюгенд, чтобы обеспечить себе поступление в семинарию. В 1943–44 гг. служил в молодёжных частях противовоздушной обороны и в военизированных батальонах Службы занятости Рейха. Был призван в армию, служил в пехотных частях в Мюнхене, но в конце апреля 1945 г. дезертировал. С приходом американских войск был интернирован в лагерь для военнопленных, из которого освобождён в июне 1945 г. В 1945–1951 гг. обучался в Высшей школе философии и богословия во Фрайзинге и в богословском институте в Мюнхене, после чего занял-ся преподавательской работой по полученной во время учёбы специальности. В 1951 г. был рукоположен в священники, в 1953 г. защитил диссертацию по богословию на тему «Народ и Дом Божий в учении Августина о Церкви», а в 1957 г. – вторую – «Богословие истории у св. Бонавентуры». Первая из этих научных работ была опубликована в Германии в 1958 г.,

следую-щая – в 1959-м. С этого времени он не прерывал издание своих научно-богословских книг и статей ни на один год, приобретая всё большую известность не только на родине, но и за её пределами.

В эти годы профессор-священник Ратцингер сблизился с другим молодым, но тоже уже известным богословом Гансом Кюнгом, который родился в 1928 г. в Швейцарии, окончил Папский григорианский университет в Риме и парижскую Сорбонну, в 1954 г. стал католическим священником, а три года спустя опубликовал первую фундаментальную монографию «Оправдание», посвящённую богословию швейцарского протестан-та и активного деятеля экуменического движения Карла Барта, после чего погрузился в профессорско-преподавательскую деятельность, главным образом в Германии. Два известных богослова оказались вместе на соборе, куда будущий Папа был при-глашён заинтересовавшимся его работами немецким кардиналом-прогрессистом Й. Фрингсом. Сначала Ратцингер был аккредитован в качестве одного из двух личных советников Фрин-гса, и кардинал, будучи членом центральной подготовительной комиссии, направлял готовившиеся курией документы молодо-му теологу для ознакомления и оценки. В одной из публикаций того времени, комментируя эти тексты, Ратцингер выражал опа-сение, что в случае принятия их собором «всё начатое может свестись к простой ратификации уже принятых решений и вме-сто того, чтобы способствовать, помешает обновлению, в кото-ром нуждается Католическая церковь». После завершения первой сессии собора юридический статус Ратцингера был повышен до уровня одного из официальных экспертов-консультан-тов. И он активно сотрудничает с ними, в том числе в качестве одного из основателей журнала «Концилиум» («Собор»).

Уже тогда Ратцингер начал постепенно отдаляться от этих своих коллег. Биограф нынешнего Папы Андреа Торниелли рассказывает об эволюции оценки, которую профессор Ратцингер давал собору и работе его экспертов по мере продвижения форума к завершению и цитирует его более позднее высказывание: «Каждый раз при возвращении в Рим я замечал, как меня-

ются настроения в церкви и среди теологов. Создавалось впечатление, что отныне нет ничего стабильного, всё может подвергнуться пересмотру. Собор всё больше походил на большой церковный парламент, который способен изменить всё и революционизировать что угодно, как ему заблагорассудится. Явно нарастало чувство досады на Рим и курию, которые представлялись врагами прогресса и всего нового вообще… За этой тенденцией уже просматривалось нечто иное – идея народного церковного суверенитета, при котором сам народ устанавливает, что именно он понимает под термином Церковь».

Богословские разногласия между Ратцингером и Кюнгом не повредили их личным взаимоотношениям. Именно Кюнг предложил кандидатуру своего коллеги на оказавшуюся вакантной должность профессора католического факультета в одном из самых престижных протестантских вузов Европы – Тюбингенском университете. К моменту окончания Второго Ватиканского собора этот ВУЗ воспринимался как идеальное место для тех, кто хотел испытать на деле «знамения времени». Кюнга не смутил тот факт, что Ратцингер на многое смотрит иначе, чем он сам, и, отвечая на недоуменные вопросы заметивших это коллег, говорил: «С такими талантливыми, как он, можно дискутировать и сотрудничать, это только с бездарями возникают проблемы». Ещё во время собора, предвосхищая некоторые его решения, Кюнг предлагал учредить конференции епископов, отменить Индекс запрещённых книг и упростить богослужение. Против этого Ратцингер не возражал. Но швейцарский теолог на этом не остановился. После собора он продолжил исследования в прежнем направлении, сформулировал собственную концепцию церкви, поставил под сомнение безошибочность Пап и выступил с критикой церковного авторитаризма. В результате Конгрегация вероучения, где в 1968 г. место ушедшего на покой престарелого Оттавиани занял считавшийся сторонником «аджорнаменто» хорватский кардинал Франьо Сепер, лишила его права именоваться католическим богословом и преподавать в этом качестве. В то же время он не был запрещён в священническом служении и сохранил место директора Института экуменических исследований и профессора экуменического бого-

словия в Тюбингенском университете (с 1995 г. Г. Кюнг – почётный профессор этого университета).

Что касается профессора Ратцингера, весь 1967 г. у него заняло чтение лекций и подготовка к изданию на основе их стенограммы книги «Введение в христианство». Книга вышла из печати в следующем 1968 г. и сразу же стала мировым бестселлером. В предисловии к русскому переводу книги (2006 г.) владыка Кирилл, тогда ещё митрополит и председатель ОВЦС, напоминает, что её автор «был известен во всём мире как выдающийся богослов задолго до своего избрания Папой Римским». «Традиционализм Бенедикта XVI, – пишет он, – это взгляд в глубину, вовнутрь, мудрое проникновение в суть вещей... Это не попытка уйти, укрыться от острых вопросов, которые ставит мир, но твёрдый ответ на них с позиций вечной и незыблемой истины». Почти вся книга (300 страниц русского варианта) посвящена основам христианской веры, роли Церкви в современном мире и её святости, но учёный-богослов не забывает напомнить и о греховности, которая присутствует в церкви земной.

В 1969 г. Ратцингер покинул Тюбинген и перешёл в Регенсбургский университет и в том же году был включён в состав членов Международной богословской комиссии РКЦ. В 1972 г. создаёт – в противовес «Концилиуму» – новый богословский журнал «Коммунио`», название которого в переводе с латыни означает общение или причастие. Слово коммунио` имеет тот же корень, что и коммунизм, и Ратцингер спешит разъяснить глубину различий между христианским и марксистским мировоззрением.

Йозефа Ратцингера тем временем ожидало стремительное продвижение вверх по ступеням церковной иерархии. В июле 1976 г. скоропостижно скончался архиепископ Мюнхенский кардинал Юлиус Дёпфнер. Ратцингеру в это время было всего 49 лет, но он уже получил широкую известность, и вскоре распространились слухи о том, что его имя фигурирует среди других имён кандидатов на архиепископскую должность. Не прошло и года, как эти слухи подтвердились. В РКЦ тогда ещё не практиковалось выдвижение на архиерейские должности священников, основным местом работы которых была научная и препода-

вательская деятельность. Однако, как сообщает Торниелли, будущий Папа имел влиятельного знакомого в Ватикане – заместителя государственного секретаря Джованни Бенелли. Он-то и подсказал Павлу VI, помнившему Ратцингера по его соборным экспертизам, идею выдвижения профессионального богослова на церковно-административную работу. 28 мая 1977 г. состоялась епископская хиротония Й. Ратцингера, а 27 июня того же года он стал кардиналом.

«Панцер-кардинал» или охранитель католической ортодоксальности?» С этих слов, вынесенных на суперобложку процитированной нами выше монографии, начинает своё обращение к читателям Андреа Торниелли. Его собственный ответ представлен на той же суперобложке: биография Ратцингера даёт ключ к пониманию значения этой исторической фигуры, призванной отстаивать нерушимость догм католицизма. Другими словами, на долю профессора-богослова выпала миссия блюстителя веры самой крупной и влиятельной христианской структуры планеты. Но эта миссия начнётся не сразу. В течение нескольких лет он будет осваивать профессию епархиального архиерея (если использовать наш православный словник). А главное – станет членом кардинальской коллегии с правом участвовать в выборах Римского первосвященника, причём буквально накануне смены власти на высшем уровне церковной иерархии. И лично познакомится с человеком, рядом с которым проведёт потом четверть века своей жизни.

В «год трёх Пап», когда на римском престоле сменили друг друга Павел VI, Иоанн Павел I и Иоанн Павел II, молодой по ватиканским стандартам 50-летний теолог буквально очаровал столь же молодого по тем же стандартам Понтифика, который был на семь лет старше его, и сразу после избрания Войтыла сказал ему (как утверждает ещё один биограф Ратцингера Джон Л. Аллен): «Скоро мы заполучим Вас в Риме». Новому кардиналу-профессору был предложен пост префекта Конгрегации католического образования, но тот вежливо отклонил это предложение, сказав, что не хотел бы так быстро покидать Мюнхен, и дождался момента, когда встал вопрос о замене префекта Конгрегации вероучения 76-летнего и больного Франьо Сепера. В фев-

рале нынешнего 2012 г. Ратцингер отметил 30-летие постоянной прописки в «вечном городе». Его квартира находилась буквально в двух шагах от колоннады Бернини, и чтобы пройти в свой офис, кардиналу было достаточно сделать несколько шагов по площади святого Петра. Каждую пятницу он встречался с Папой, докладывая ему о новостях своей службы и планах на будущее, а по вторникам до или во время обеда обсуждал с ним самые разные темы, иногда в присутствии других гостей Войтылы.

Преемник Оттавиани и Сепера в первый же месяц работы на новом месте проявил себя не менее бдительным, чем они, цензором церковных документов, наложив вето на доклад комиссии по диалогу католиков и англикан, доклад, в котором обобщались результаты12-летней работы богословов двух церквей. Годом позже он председательствует на встрече с немецкими и американскими католиками, критикуя слишком категоричные, по его мнению, возражения против военной политики президента США Р. Рейгана. В следующем 1984 г. внимание Ратцингера привлекает «теология освобождения». В марте он публикует в журнале «Трентаджорни» критическую статью на эту тему, а 6 августа появляется официальная декларация Конгрегации вероучения, осуждающая «сведение Евангелия спасения к земному евангелию». 7 сентября один из главных проповедников «теологии освобождения» бразильский монах-францисканец Леонарду Бофф, приглашённый Ратцингером в Рим, встречается с ним, и после трёхчасовой встречи префект Конгрегации вероучения подтверждает свой вывод о невозможности диалога с теми, кто выступает с позиций классовой борьбы.

Вывод этот был включён в «Доклад о вере» – книгу-интервью, подготовленную писателем Витторио Мессори на основе бесед с Ратцингером летом 1984 г. в Брессаноне, где кардинал отдыхал во время отпуска. В одной из выдержек из «Доклада», напечатанной 5 ноября того же года журналом «Иесус», с которым Мессори поддерживал отношения сотрудничества, было упомянуто слово «реставрация», необходимая церкви после всего, что произошло в ней и с ней в последнее время. Книга с полным текстом высказываний кардинала ещё не вышла из печати, а призыв к реставрации уже вызвал бурю откликов внутри и во-

круг церкви. Газеты, пишет Торниелли, запестрели заголовками: «Панцер-кардинал», «Немец-агрессор», «Аскет со шпагой в виде креста» и тому подобные. По просьбе журнала «Трентаджорни» Ратцингер дал письменное объяснение своих высказываний: «Дорогие друзья, вы спрашиваете меня, что означает реставрация, за которую я, судя по некоторым газетным отчётам, якобы, высказался. Хочу, прежде всего, напомнить, что я сказал на самом деле. Речь не идёт о возврате к прошлому. Термин “реставрация” должен пониматься как возвращение ценностей, потерянных внутри нового целого, и эта задача встаёт перед нами сегодня, во второй постсоборный период». Окончательный книжный вариант «Доклада о вере» воспроизводит эту формулировку с небольшим добавлением: «Если понимать под “реставрацией” поиск нового равновесия после преувеличений, допущенных при бездумном повороте к миру, после слишком позитивного восприятия мира агностиков и атеистов, тогда да, понимаемая в этом смысле реставрация очень даже желательна».

Главный блюститель веры убедил, однако, далеко не всех. Почётный архиепископ Венский кардинал Франц Кёниг, например, откликнулся на книгу-интервью Ратцингера такой же книгой-интервью, где напомнил: «Акцентирование слова “реставрация” отдаёт ностальгией по прошлому. Церковь тогда смотрела со страхом на всё новое, что приносила с собой история, чувствовала себя отделённой от мира, видя в нём одно зло. Наш собор опрокинул такие представления». И Кёниг был не одинок среди церковных иерархов того же уровня. Ещё более жёсткой была реакция бывших коллег Ратцингера из группы теологов-прогрессистов. Ганс Кюнг, в частности, обвинил его в предательстве по отношению к кардиналу Фрингсу, чьим советником он был на соборе. Последний голос в той же тональности прозвучал уже в нынешнем 2012 г. Кардинал Карло Мария Мартино заявил в последнем прижизненном интервью миланской газете «Коррьере дела сера», увидеть которое напечатанным уже не успел, что «церковь отстала на 200 лет». Проработавший рядом с ним много лет епископ Джованни Джудичи подтвердил, отвечая на вопросы «Оссерваторе романо», что этот крупный церковный деятель «реалистически, порой резко критически оце-

нивал реальную действительность и выступал за свободную церковь, вышедшую за узкие рамки утилитарности и желания властвовать».

Противоположную линию с самого начала отстаивал Марсель Лефевр. Он создал ультраконсервативное «Братство святого Пия X», заявил, что будет бороться против проведения решений собора в жизнь и самочинно, не испрашивая разрешения Папы, рукоположит собственных епископов из числа поддерживавших его священников. Были объявлены даже имена четырёх кандидатов в архиереи и дата их рукоположения – 30 июня 1988 г. Пытаясь предотвратить осуществление этого плана, префект и секретарь Конгрегации вероучения в апреле в течение трёх дней безуспешно пытались отговорить лидера противников собора от его намерения, после чего Лефевр пишет Папе, что его общине «абсолютно необходимы» епископы, которые «помогли бы защититься от духа Второго Ватиканского собора и от духа Ассизи». За день до окончательного разрыва кардинал шлёт Лефевру в его резиденцию в Эконе (Швейцария) телеграмму: «Ради любви к Христу и Его Церкви Святой Отец отечески просит вас приехать сегодня в Рим, не производя намеченных на 30 июня рукоположений». Ответом становятся четыре рукоположения, после чего раскольники отлучаются от церкви.

В 1992 г. исполнялось 30 лет с начала Второго Ватиканского собора, и эта круглая дата напомнила католикам о словах, сказанных когда-то кардиналом Сири о нескольких десятилетиях, которые понадобятся для того, чтобы исправить ошибки, допущенные, якобы, Иоанном XXIII за четыре года его понтификата. И Ратцингеру был задан вопрос, не пора ли созывать Третий Ватиканский собор. Ответ префекта Конгрегации вероучения знаменателен: «Не думаю, что время для этого уже наступило. Созывать собор сейчас преждевременно. Собор – это большое событие, которое блокирует на определённое время нормальную жизнь церкви. И собирать такие форумы слишком часто – нельзя». У «железного кардинала» уже сложился свой план действий. Продолжая наказывать теологов-прогрессистов, он начинает методически выступать в поддержку единственно правильной, по его убеждению, интерпретации установлений собо-

ра с позиций традиционного, то есть тридентинского католического богословия. На протяжении десяти с лишним лет будущий Понтифик переезжает с одного семинара на другой, читает одну лекцию за другой, даёт одно интервью за другим, публикует целую серию статей и книг, находит всё новых сторонников. И пытается предостеречь от опрометчивых, на его взгляд, шагов действующего Папу, больного и слабеющего от года к году.

Герменевтика Бенедикта XVI. Конклав для избрания преемника Иоанна Павла II собрался вечером 18 апреля 2005 г. и продолжался менее двух суток. В нём принимали участие 112 выборщиков, и с первого же тура неизменно опережал других кандидатов Йозеф Ратцингер. Решающим оказался четвёртый тур, проведённый 19 апреля в 17 часов с минутами. Изначальный фаворит префект Конгрегации вероучения получил 84 голоса, на 7 голосов больше, чем требовалось для победы. Его победа была в равной степени убедительной и предсказуемой: ни у одного из других кандидатов не было столь большого опыта работы рядом с ушедшим из жизни предшественником. А консервативные взгляды не смущали большинство, которым стали за минувшие четверть века те, кто на соборе был меньшинством.

В первом же обращении «к городу (Риму) и миру» 20 апреля 2005 г. Папа Ратцингер, не ставший ни Иоанном XXIV, ни Павлом VII, ни Иоанном Павлом III и избравший имя Бенедикт, связанное с жизнью и деятельностью одного из наиболее почитаемых святых Католической церкви, заверил своих единоверцев в «твёрдой решимости проводить в жизнь решения Второго Ватиканского собора», но тут же добавил: «сохраняя верность нашей двухтысячелетней традиции». В ещё более категорической форме эта мысль была сформулирована в конце того же 2005 г. в выступлении Бенедикта XVI перед высокопоставленными сотрудниками римской курии 22 декабря, за три дня до Рождества. Папа отверг «герменевтику разрыва» с «двухтысячелетней традицией церкви». Символическим и в то же время реальным подтверждением преемственности традиций контрреформации, унаследованных церковью от Тридентского и Первого Ватиканского соборов, должно было стать объявленное в июле 2007 г. Бенедиктом XVI возвращение латинской мессы,

которая в последние годы почти ушла из католической литургики (Ратцингер рассказал в своей автобиографии, как ему удалось найти среди средневековых миссалов вариант, на который не распространялись послесоборные нововведения).

Первыми с энтузиазмом откликнулись на это известие лефевристы. Принявший бразды правления от скончавшегося в 1991 г. Лефевра новый настоятель «братства св. Пия X» епископ Бернар Фелле заявил, что «данные Папой практические указания восстанавливают в правах традиционную литургию – не только мессу, но и таинства», после чего добавил: «Мы будем молиться о Папе, чтобы он остался твёрдым после смелого поступка, который только что совершил». И 15 декабря 2008 г. Понтифик снял отлучение от церкви со всех четырёх епископов, рукоположенных основателем «братства». Но отказ лефевристов признать, хотя бы внешне, действенность решений Второго Ватиканского собора, ставил Папу в двусмысленное положение, и началась нескончаемая серия переговоров в рамках богословского диалога «обеих договаривающихся сторон». Раскольники хотели, чтобы этот собор был забыт, как если бы его и не было, а Римский первосвященник хорошо помнил, что под каждым соборным документом стояло примечание: «Мы вместе с Достопочтенными Отцами утверждаем, решаем и постановляем это во Святом Духе и повелеваем обнародовать во славу Божию то, что было постановлено на Соборе». И далее шли подписи: «Я, Павел, епископ Католической церкви» (не Папа, а именно епископ – прим. А.К.) и подписи участников собора. К тому же большая часть документов Второго Ватикана вполне вписывалась в представления Понтифика о необходимом «aggiornamento» (обновлении церкви).

Были продолжены и другие богословские диалоги РКЦ, в том числе с православными церквами, которые приняли сделанное им в канун празднования 2000-летия христианства Иоанном Павлом II предложение о совместном обсуждении темы примата Пап в христианстве. Бенедикт XVI подтвердил согласие на эту дискуссию, а его позиция по вопросу о примате была сформулирована ещё тридцать лет назад. Тогда, до появления папской энциклики «Ut unum sint», он писал: «Когда Патриарх

Афинагор 25 июля 1967 года во время визита Папы в Фанар назвал его преемником Петра, первым по чести среди нас, предстоятелем в любви, в словах этого великого иерарха получила отражение суть того понимания папского примата, которое существовало в первом тысячелетии, и большего Рим не вправе требовать». Однако Рим ещё не отказался от претензии на гораздо более широкую «полную, верховную и вселенскую власть», и она была подтверждена (со ссылкой на Догматическую декларацию о Церкви Второго Ватиканского собора) в последнем Катехизисе РКЦ. Не говоря уже о целом букете догматов, которые РКЦ провозгласила после разделения церквей в 1054 г.

В Папском ежегоднике «Annuario Pontificio», начиная с издания за 2006 г., при перечислении официальных титулов Папы Римского, перестал упоминаться «Патриарх Запада» и вместо девяти называются восемь: «Епископ Рима, викарий Иисуса Христа, Преемник князя апостолов, Верховный понтифик Вселенской Церкви, примас Италии, архиепископ и митрополит Римской провинции, суверен государства град Ватикан и раб рабов Божиих». Некоторые аналитики увидели в этом признак стремления Папы улучшить отношения с Православными Церквами. В связи с этим председатель ОВЦС митрополит Иларион (Алфеев) опубликовал комментарий, в котором задал недоумённый вопрос, каким образом опущение этого титула может улучшить отношения римского престола с Православием. Скорее, наоборот, считает митрополит, этот жест может быть воспринят как подчёркивание претензий на вселенскую церковную юрисдикцию, отражённую в других титулах папы Римского.

В византийскую эпоху, напомнил владыка Иларион, существовало четыре Восточных Патриархата: Константинопольский, Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский. Римский Патриархат воспринимался как «первый среди равных» в диптихе Церквей вплоть до 1054 г., когда общение между Востоком и Западом было прервано. Таким образом, на Западе существовал единственный Патриархат – Римский, тогда как на Востоке было четыре Патриархата. Западный Патриархат вместе с четырьмя Восточными Патриархатами образовывали так называемую «пентархию».

Из всех титулов Папы наиболее приемлемым для православных является титул «епископа Рима», указывающий на власть Папы как епархиального архиерея города Рима. Титул «архиепископа и митрополита Римской провинции» указывает на то, что власть папы распространяется на всю Римскую область, а не только на город Рим. Титул «примаса Италии» указывает на то, что епископ Рима является «первым среди равных» в ряду итальянских епископов, то есть, пользуясь православной терминологией, главой поместной церкви. При таком толковании все три титула были бы приемлемыми для православных в случае восстановления евхаристического единства между Востоком и Западом. В этом случае Папа римский мог бы восприниматься и как «Патриарх Запада», т.е. глава тех христиан, которые не входят в юрисдикцию древних «Восточных» Патриархатов и тех поместных православных церквей, которые образовались во втором тысячелетии.

Главным же препятствием на пути к единству, по мнению многих православных богословов, остаётся учение о вселенском примате римского епископа. В этом контексте наиболее неприемлемыми и даже скандальными, с православной точки зрения, являются титулы, которые подчёркивают претензию Пап на вселенскую юрисдикцию: «викарий Иисуса Христа», «Преемник князя апостолов», «Верховный понтифик Вселенской Церкви». Звание «верховного понтифика» (pontifex maximus) носили римские императоры-язычники. От этого звания не отказался император Константин после своего обращения в христианство. Однако применительно к Римскому Папе звание «верховный понтифик Вселенской Церкви» указывает на его вселенскую юрисдикцию, которую православные церкви никогда не признавали и не признают, заявил митрополит Московского Патриархата. Именно от этого звания Папе следовало бы отказаться в первую очередь, если бы изменение титулатуры было действительно мотивировано стремлением к «экуменическому прогрессу» и улучшению отношений с Православными Церквами, отметил председатель ОВЦС.

Согласится ли на такую реформу 85-летний Папа-богослов, убеждённый последователь традиций Тридентского и Первого

Ватиканского соборов? Вряд ли. Однако и при отсутствии согласия в этом вопросе католики и приверженцы других конфессий, в том числе, и даже в первую очередь, православные, вполне могут плодотворно сотрудничать, оставаясь самими собой и отложив на более или менее отдалённое будущее осуществление мечты о полном единстве на нашей грешной земле. Вопреки предсказаниям Торниелли, Папа Бенедикт нас не удивил.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пророчество Малахии. Куда же идёт, вступив обеими ногами в Третье тысячелетие, Римская католическая церковь? Что ждёт её в обозримом и более отдалённом будущем? Уточним, прежде всего, понятийный аппарат, определим для себя, о какой церкви идёт речь. Католики (как и православные) видят в Церкви с большой буквы богочеловеческий организм, убеждены в том, что она, как указывается и в документах Второго Ватиканского собора, «будучи возвещена в прообразах уже от начала мира, дивно предуготована в истории израильского народа и в Веетхом Завете и основана в последние времена. Явилась через излияние Святого Духа и обретёт завершение в конце веков… И тогда все праведные… будут собраны у Отца во Вселенской Церкви»[2]. При этом «каждому придётся дать отчёт о своей жизни перед судом Божиим соответственно тому, что он делал – доброе или худое»[3].

Тема конца света, впервые прозвучавшая в книгах Ветхого Завета, развитая в раннехристианской апокрифической литературе и включённая в канон Нового Завета (знаменитое Откровение Иоанна Богослова), изначально волновала христиан всех конфессий. Волнует она их и сейчас. Несколько лет назад в ватиканском книжном магазине на площади святого Петра можно было приобрести книгу с краткими биосправками на всех Понтификов от апостола Петра до (тогда) Иоанна Павла II и их портретами, разумеется, всё менее достоверными по мере углубле-

[2] Догматическая конституция Второго Ватиканского собора О Церкви. I. 2.
[3] Пастырская конституция Второго Ватиканского собора О Церкви в современном мире. I. 17.

ния в прошлое. Завершалась же книга текстом «пророчеств Малахии», автор которых, живший в первой половине XII столетия, давал в двух-трёх словах образную характеристику каждому из будущих Пап, начиная с его современника Целестина II (годы пребывания на престоле 1143–1144), и кончая, ни много, ни мало, Понтификами рубежа Второго и Третьего тысячелетий[4]. Составлены эти определения в нарочито общих выражениях и могли быть отнесены к самым разным Первосвященникам, но некоторые, в том числе последние, достаточно адресны. Пию XII в списке Малахии достался лестный эпитет pastor angelicus (ангельский пастырь), и его до сих пор нередко используют по отношению к этому Понтифику не только журналисты и писатели, но и высшие церковные руководители, в том числе нынешний Папа Бенедикт XVI. Иоанна XXIII можно вслед за Малахией с определённой долей приближения считать пастырем-корабельщиком (или лодочником) – pastor e nauta (он пришёл в Ватикан с поста патриарха Венеции – средневековой «владычицы морей», которая сегодня знаменита своими гондолами, бороздящими её каналы). К Папе, который довёл до завершения Второй Ватиканский собор, вполне может быть отнесена лирическая характеристика «цветущий цветок» (flos florum), а к его преемнику Иоанну Павлу I – человек полнолуния, de medietate lunae (он и в самом деле пробыл на престоле короткий промежуток времени между двумя фазами луны). Пережившего покушение Иоанна Павла II можно сравнить с упавшим солнцем (de labore solis), а Бенедикта XVI, согласно предсказанию прорицателя, ждёт слава, увенчанная оливковой ветвью (gloria olivae). Но самое любопытное следует далее. По словам Малахии, после этого Папы на трон сядет некий Пётр Римлянин, при котором произойдут великие потрясения, превращён в руины город на семи холмах и начнётся страшный суд.

Мы вряд ли упомянули бы эту публикацию, если бы не встретили статью о Малахии на страницах заслуживающей уважения серьёзной Католической энциклопедии. В её русском издании этому персонажу посвящены две статьи. Первая – об од-

---

[4] F. Gligora, B. Catanzaro. I Papi della Chiesa da S. Pietro a Giovanni Paolo II. Padova, Panda, 1989.

ном из действующих лиц Ветхого Завета. Носивший имя Малахии последний из 12 так называемых малых пророков предсказывает грядущее пришествие Мессии и суд Божий (Мал. 1.6–1.9). Вторая излагает биографию ирландского монаха и архиепископа, который был причислен к лику святых папой Климентом XIII в 1190 г. В эту статью с подзаголовком «Пророчество Псевдо-Малахии» добавлен текст, в котором, в частности, говоритcя: «Малахии приписывается знаменитое пророчество о Римских Папах, начинающееся рассказом о Целестине II и оканчивающееся предсказанием конца света, который якобы должен наступить, когда папой станет Пётр II и таким образом закончится история Церкви… Это пророчество было включено бенедиктинцем Арнольдом Вионом в его книгу *Lignum vitae (Древо жизни).* Пророчество Псевдо-Малахии приобрело большую популярность и даже проникло в иконографию Малахии. Эсхатологический образ папы Петра II использовал В. Соловьёв в своей *Повести об антихристе*, вошедшей в качестве составной части в философский диалог *Три разговора*»[5].

Таким образом, последним Понтификом перед приходом Петра II и наступлением конца света оказывается Ратцингер, и живущих сегодня людей ждёт апокалипсис. Однако о. Виталий Боровой даёт иную интерпретацию этому и другим пророчествам давних времён. Его внимание привлёк компилятивный сбор-ник, выпущенный калабрийским монахом Телесфором в 1386 г. Там тоже приводятся предсказания о будущих Папах. О. Виталий не называет имя Малахии, но, судя по всему, различные ав-торы пользовались одним и тем же первоисточником. При этом из компиляции Телесфора следует, что у «ангельского Папы» будут преемники, и «если пророчество о *Papa angelicus* исполнилось на Иоанне XXIII, то тогда четвёртый Papa angelicus – Иоанн Павел II». «Все эти пророчества, – подчёркивает наблюдатель от РПЦ, – имеют только относительное значение, как ле-генды, мечты и предсказания далёкого средневекового прошло-го. Спекулировать на их тему мы не можем, но чисто по-челове-чески – соблазн большой»[6].

---

[5] Католическая энциклопедия. Том III. С. 64-65.
[6] Протоиерей Виталий Боровой. Второй Ватиканский собор и его значение для

Богословие и политика земной церкви. Человечество сегодня и в самом деле приблизилось к черте, за которой всё явственнее проглядывается опасность апокалипсиса рукотворного, вызванного эгоизмом людей, живущих по логике знаменитой мадам де Помпадур: «после нас – хоть потоп». Тут и создание всё более смертоносных видов оружия массового уничтожения, способных покончить с человеческой цивилизацией раз и навсегда, и международный терроризм, и нарушение экологического баланса вследствие бесконтрольной эксплуатации природных ресурсов, и научные эксперименты с непредсказуемым исходом (вспоминаются сомнения учёных-участников первых атомных проектов: «А остановится ли, единожды начавшись, цепная реакция распада), и проблема истощения источников пригодной для питья воды, и многое, многое другое.

Поэтому, не погружаясь в мистику, которая, как справедливо замечается в энциклопедии, присутствует в каждой религии, мы сосредоточили внимание на церкви земной. Во Втором тысячелетии католическая иерархия часто вела себя по отношению к собственной пастве, воцерковленным и невоцерковленным европейцам (и не только европейцам) самым, мягко выражаясь, нехристианским образом, оправдывая своё поведение ссылками на превратно толкуемое Священное Писание и Священное Предание. Среди ярких примеров такого поведения церковных верхов: разделение церквей Запада и Востока в 1054 г., крестовые походы против мусульман и православного Востока, обскурантизм и жестокость средневековых инквизиторов, религиозные войны, которые разорили и обескровили Европу, провозглашение одного за другим догматов, углублявших раскол между католиками, с одной стороны, и всеми христианами-некатоликами, с другой. Условием же восстановления христианского единства папство на протяжении всего тысячелетия выдвигало признание первенства, а потом и юридической власти Понтификов, как это установили два последних (до Второго Ватиканского) церковных собора: Тридентский (1545–1563 гг.) и Первый Ватиканский (1869–1970 гг.), угрожая всем несогласным

Русской православной церкви. Второй Ватиканский собор. Взгляд из России. С. 136-137.

анафемами и – до сравнительно не такого уж далёкого от нас времени – физическим уничтожением.

Противостояние католиков внешнему миру продолжалось вплоть до Пия XII, чей понтификат(1939–1958 гг.) пришёлся на годы Второй мировой войны (когда Папа занял позицию нейтралитета по отношению к державам оси и антигитлеровской коалиции) и последовавшей затем холодной войны (когда он бе-зоговорочно поддержал политику Запада и предал анафеме сто-ронников коммунистической идеологии). Зная сегодня о том, что принёс народам СССР и стран Восточной Европы сталинский «панцер-социализм», мало кто решится теперь упрекнуть этого Папу в антикоммунизме. Но геополитический выбор Пия XII оказался контрпродуктивным. Привязка к одному из блоков, особенно после нейтралитета и молчания во время Второй мировой войны, лишь создала ещё один повод для восприятия Ва-тикана как «союзника американского империализма». А объявленная в 1949 г. анафема в адрес коммунистов и тех, кто их под-держивал, потерпела провал даже в католической Италии, где в конечном итоге ни один конкретный человек не был отлучён от церкви, зато участились случаи ухода из неё не только простых верующих, но и священнослужителей.

Первым в истории Понтификом, который бросил вызов логике анафем и, отказавшись от лексики осуждений, заменил её языком христианской любви, стал Иоанн XXIII. Он решительно выступил в защиту мира и сочетал корректные отношения со странами Запада с новым, взвешенным подходом к СССР и другим странам Восточной Европы. Вскоре после избрания на престол преемник Пия XII объявил, что намерен провести Второй Ватиканский собор. Открывая собор и приглашая на него христиан других конфессий в качестве наблюдателей, он не стал провоцировать дискуссию о различиях и совпадениях традиций в западной и восточной теологии, а сосредоточил внимание на практических проблемах жизни и деятельности своих единоверцев и их партнёров в современном мире. Что касается проблем внутрицерковного характера, Понтнифик предложил провести «аджорнаменто» (обновление) РКЦ с учётом реалий современности. Суть его позиции была изложена в тексте, который он

продиктовал группе ближайших сотрудников за несколько дней до кончины: «Сейчас, как, безусловно, никогда, более, чем в прошедшие века, мы призваны служить человеку как личности, и не только католикам, защищать повсюду права человека, а не только права Католической церкви… Меняется не Евангелие, просто мы начинаем лучше его понимать». Уже из одной этой краткой формулировки видно, какой крутой поворот делала история Римской церкви с приходом на папский престол человека, познакомившегося за десятки лет работы за рубежом с жизнью народов разных религиозных традиций: православия (Болгария, Греция), ислама (Турция) и католичества (Франция), а затем и в родной Италии (Венеция).

Второй Ватиканский собор – разрыв или преемственность традиции? Собор, его место в траектории Католической церкви от противостояния внешнему миру к диалогу с ним, перспективы сохранения и развития наследия Иоанна XXIII и других творцов поворота, от успеха (или неудачи) которого зависит будущее христианства, стали и до сих пор остаются предметом острой дискуссии как внутри церковной ограды римо-католичества, так и за её пределами. Большинство исследователей делает упор на новизне собора, который впервые в истории РКЦ отказался от анафем и провозгласил курс на диалог католиков со всем окружающим их миром. Основная мысль публикаций их оппонентов выражена в тезисе, согласно которому церковный форум 1962–1965 гг. не означал «разрыва с прошлым», «перехода от одного типа католичества к другому». Ответом на эти утверждения стала публикация Итальянским институтом религиозных исследований сборника научных статей под остро полемическим заголовком «Кто боится Второго Ватикана?». При этом сторонники как одной, так и другой точки зрения в пылу полемики, кажется, даже не замечают, что согласны между собой в главном. И те, и другие констатируют несовпадение провозглашённого собором «аджорнаменто» и никем не отменённой догматики, для одних – далёкой от богословия любви апостольских времён и «застывшей» на этапе воинствующей нетерпимости, для других – неприкасаемой в её дошедшем до нас виде.

Взглянем же ещё раз на Второй Ватиканский собор со сто-

роны, с позиций представителей светской исторической науки. За предсмертным завещанием «Папы мира», как стали называть Иоанна XXIII ещё при жизни, последовало продолжение этого форума следующим Понтификом Павлом VI. Руководимая им Католическая церковь окончательно отказалась от односторонней ориентации на Запад и содействовала в меру своих возможностей мирному сосуществованию государств с различным строем. Она вступила в диалог с «отделёнными братьями», или «церквами-сёстрами», а также с иудеями, мусульманами, представителями других религий и неверующими. Слово «диалог», как отмечает в изданной в 1970 г. монографии сотрудник Секретариата по отношениям с неверующими священник Жан-Франсуа Сикс, до собора было католикам неизвестно. Оно не упоминалось ни в одном из издававшихся церковью словарей, его не было даже в вышедшем из печати в 1953 г. III томе официальной Католической энциклопедии. Собор признал человеческую личность началом, предметом и целью всех общественных учреждений. Жёсткая централизация власти Пап была дополнена осторожными шагами в сторону соборности (создание синодов епископов и признание апостольства мирян). Хотя, повторим, Второй Ватиканский собор не отменил ни одну из догм, провоз-глашённых Тридентским и Первым Ватиканским соборами и неприемлемых для вселенского православия, и подтвердил, что католики и впредь будут жить, «неукоснительно следуя указаниям предыдущих соборов».

Верность курсу на диалог провозгласил и преемник Павла VI Иоанн Павел I, пребывание которого на престоле оказалось очень коротким. Зато его продвинул далеко вперёд следующий Папа-поляк, избравший имя Иоанна Павла II. Последний из «Пап собора», он договорился с православными о создании Совместной международной комиссии по богословскому диалогу, а когда этот диалог начал давать сбои, сделал ещё два поистине сенсационных шага навстречу другой стороне: покаялся от имени своей церкви за то зло, которое она причинила в прошлом некатоликам, и согласился пересмотреть содержание миссии Пап в христианстве с тем, чтобы их служение могло осуществляться

как «служение любви»[7]. Осуществлению этой далеко идущей идеи помешали стереотипы взаимного восприятия западных и восточных христиан, накопившиеся за столетия отсутствия прямого доверительного общения между ними, и разное понимание одной из главных библейских заповедей: Богу – Богово, кесарю кесарево.

За своё долгое пребывание на престоле (почти 27 лет) Иоанн Павел II, проводя «диалог любви», стал свидетелем (а иногда и косвенным, но, тем не менее, реальным участником) многих кардинальных перемен в мире. Главные из них, несомненно, это прекращение холодной войны, самораспад систем государственного атеизма и объединение Европы. Болезнь помешала ему сделать решающие шаги по преодолению последствий разделения христиан, унаследованного ими от прошлого. Надежды на возможность достижения этой цели начали рассеиваться, когда в юбилейном 2000 г. ватиканская Конгрегация вероучения заявила о неправомерности использования католиками по отноше-нию к православным структурам термина «Церковь-сестра». Из-вестный православный публицист, давний противник экумениз-ма диакон Андрей Кураев не упустил тогда случая съязвить: «Пока у Ватикана не было политической возможности прорва-ться через железный занавес, он утверждал, что это ему и не на-до, что нас он и так любит – на расстоянии. Но как только возможность прорыва появилась, Ватикан не преминул ей восполь-зоваться. Ну что ж, нормальная политика, в которой интересы остаются неизменными, но в зависимости от ситуации меняются средства и союзники».

После избрания на престол в 2005 г. главный богослов РКЦ Йозеф Ратцингер сказал, что решения Второго Ватиканского собора были «неправильно поняты». При этом, подтверждая действенность старых догм католицизма, признанных и в документах «Второго Ватикана», он не поставил под сомнение другие решения форума, в том числе принятую собором Конституцию о церкви в современном мире и курс на экуменизм, понимаемый им не как каноническое единство в многообразии церковных традиций, а как многообразие единств отдельных церков-

[7] Иоанн Павел II. Сочинения. Т. II. М., 2003. С. 67.

ных структур, особое место среди которых будет занимать единственная носительница Истины с большой буквы Римская католическая церковь. И тем самым подтвердил, что, не отказываясь от претензий прошлого, РКЦ всё же будет следовать по пути, намеченному «Вторым Ватиканом».

Возможно ли в таких условиях сотрудничество «Первого» и «Третьего Рима»? Председатель ОВЦС Московского Патриархата митрополит Волоколамский Илларион уверен, что возможно. Выступая два года назад, 1 ноября 2010 г., в Московской Духовной Академии, он напомнил, что до середины минувшего века, то есть до собора в Ватикане, ключевым для православия и католичества было слово «ересь». И православные, и католики воспринимали друг друга как еретиков. Следовательно, никакого разговора о взаимодействии, о правилах сосуществования на той или иной территории тогда не могло и быть. Собор пересмотрел отношение католиков к православию. Отныне на официальном уровне Католическая церковь признаёт Православные церкви Церквами, и это позволило им развивать взаимодействие вне зависимости от успехов или неудач богословского диалога. Сегодня, подчеркнул владыка Иларион, речь идёт о будущем христианской цивилизации, больше того – о её выживании. Поэтому надо объединить усилия тех христиан, которые стоят на традиционных нравственных позициях, а это, прежде всего, православные и католики. Это задача первоочередной важности. Ради её выполнения, считает председатель ОВЦС, можно отказаться от оскорбительной терминологии и продолжить переговоры за столом переговоров. Что же касается богословского диалога, то он будет развиваться своим путём. Может быть, когда-нибудь он приведёт к каким-то результатам, а может, и нет. Мы этого сейчас не знаем, констатировал православный архиерей.

Отказавшись – по крайней мере, на ближайшее время – от «программы-максимум», самая крупная среди организованных структур христианства Римская католическая церковь и самая крупная среди православных структур православия Русская церковь условились не использовать больше терминологию, которая препятствовала межцерковному диалогу. «Это не значит,

что отдельные богословы в своих книгах или статьях не могут продолжать употреблять те термины – в том числе уничижительные и оскорбительные, – которые употреблялись в прежнюю эпоху, – успокаивает недовольных православных радикалов владыка Иларион. – Но люди, участвующие в официальном диалоге, такой терминологией пользоваться не могут и не должны. Отказ от враждебной терминологии, стремление к диалогу, готовность рассматривать те различия, которые между нами существуют, – всё это привело к тому, что отношения между православными и католиками вышли на новый уровень». Следуя за церковью, смягчило свою позицию по отношению к Ватикану и российское государство. В 2009 г. оно дало согласие на повышение уровня официального представительства Святого престола и РФ в столицах друг друга. Отныне это будут соответственно Апостольская нунциатура и Посольство.

В заключение автор попытается дать обещанный во введении краткий ответ на вопрос, который он поставил в тассовской корреспонденции 50-летней давности. Второй Ватиканский собор и послесоборная Римская католическая церковь заняли чёткую и недвусмысленную позицию по проблемам, волнующим современное общество. Больше того, они вышли из многовековой самоизоляции и вступили с ним в плодотворный диалог. Что касается нынешних внутрицерковных споров о герменевтике и богословии собора, думается, не нам, светским учёным, выступать в роли арбитров и определять, кто из спорящих прав, а кто не прав. Тем более что диалог богословов и в самом деле может продолжаться долго, неопределённо долго и окажется ли он результативным или не окажется, никому знать не дано.

И последнее. В качестве традиционного эпилога автор доклада решил предложить читателям как информацию к размыш-лению выдержки из напечатанной в папской газете «Оссервато-ре романо» рецензии на книгу убеждённого атеиста члена Национального центра научных исследований Франции (француз-ского аналога РАН) профессора Жана-Люка Солера. Тема книги – связь между религией и насилием, автор рецензии – извест-ный французский политолог Ален Безансон.

7. ВМЕСТО ЭПИЛОГА
Рецензия «Оссерваторе романо» на книгу французского учёного-атеиста

Перед вами – книга искренняя и честная. Автор – человек, думающий своей головой, далёкий от каких-либо религиозных институций. Он тщательно потрудился над темой, которая давно близка его сердцу, хорошо знает древнегреческий и древнееврейский языки и собрал впечатляющий по объёму и значимости материал об истоках христианства и библейской религии в целом. В новой книге (Jean Soler. La violence monotheiste. Paris: Editions de Falois, 2008) он излагает свои взгляды с такой откровенностью и прямотой, которые делают ему честь и сегодня, как и всегда, заслуживают уважения.

Основной тезис автора прост и ясен. Библия предложила модель экстремизма и нетерпимости. «Мировоззрение, предлагаемое еврейской Библией, базируется на противопоставлениях: “наш бог – другие боги”, “наш народ – другие народы”, доходя до финального: “в наше время – во веки веков”. Причём это радикальное противопоставление было задумано не кем-нибудь, а самим Создателем. И должно сохраняться и поддерживаться, при необходимости с помощью насилия». Парадигма этого насилия – захват Ханаана и поголовное истребление его жителей избранным народом, который пришёл, чтобы занять землю обетованную».

Монотеистическое насилие было унаследовано христианами, которые, едва выйдя из состояния гонимых, превратились в гонителей. Оказавшись у власти, они приняли законы против еретиков, евреев, язычников, начали разрушать их храмы, закрыли философские школы, двинулись в крестовые походы, разожгли костры инквизиции и т.д. Привести примеры поведения адептов ислама – ещё проще. Автор книги снова берёт на вооружение досье, собранное Вольтером и перешедшее к Хьюму и Гиббону, которые обогатили его новыми неоспоримыми фактами. Солер – атеист и проповедует атеизм.

Сказать по этому поводу нечего. Из всех возможных форм религии он выделяет монотеизм как худшую и приводит длинный перечень преступлений и страданий, за которые ему можно предъявить обвинения.

Хочу, однако, представить два возражения. Первое касается сравнения Афин и Иерусалима. Рядом с блеском Эллады Израиль, действительно, выглядит скромно. Афины и Рим дали нам науку, математику, логику, философию, историю, право, искусство, литературу, театр, риторику и т.п. Израиль дал нам свою религию, но её нельзя рассматривать как продукт израильского народа. Она – Слово Господне, Его Откровение, и если бы не была таковой, не представляла бы собой истинную ценность. В свете веры – и только в свете веры – Библия раскрывает бесконечность своего содержания и богатство различных, в том числе противоположных, интерпретаций…

Второе возражение донельзя просто. Да, монотеизм, как таковой, несёт в себе опасность. Он исходит из признания факта существования абсолютной истины и делит мир на тех, кто ею обладает, и тех, кто её не знает или отрицает. Отсюда – все ужасы, которые живописуются в книге Солера. Посмот-

рим, однако, на историю Индии с её мириадами богов, Китая с его даосизмом и конфуцианством, доколумбовой Мексики, Африки лесных духов. И увидим, что их история не менее омерзительна, чем наша.

Человек – дурное существо, его структура повреждена грехом. Он превращает в дурных всех и всё, что оказывается на его пути: богов язычества, библейского Бога, Евангелие, свет. Становясь атеистом, как на то рассчитывает Солер, человек совершает преступления во имя атеизма.

Воистину, ему нужен Спаситель.

* * *

Примечание автора доклада: Во времена Джордано Бруно автор подобной книги был бы отправлен на костёр, после Французской революции она попала бы в «Индекс запрещённых книг», который перестал издаваться полвека тому назад, у нас – на грани внесения в и без того длинный официальный список литературы, «разжигающей религиозную вражду и ненависть». А вот у католиков послесоборного времени обсуждается, причём в уважительных тонах, на страницах газеты Пап римских. Дождёмся ли мы своего Второго Ватиканского собора?

ОБ АВТОРЕ

Красиков Анатолий Андреевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН, руководитель Центра по изучению проблем религии и об-щества ИЕ РАН. Член редколлегии журналов «Современная Ев-ропа» (Москва), «Новая Европа» (Италия), «Religioni e societa'» (Италия). Член Попечительского и Учёного советов Свято-Фи-ларетовского православно-христианского института (Москва). Член Общественно-научного совета Католической энциклопедии (Москва). Член Экспертного совета Международной ассоциации религиозной свободы, почётный президент Российского отделения МАРС. Заслуженный работник культуры РФ.

В 2010–2012 гг. были выпущены следующие доклады Института Европы

263. Борьба с коррупцией: опыт Европы. Под ред. М.Г.Носова и др. ДИЕ РАН, № 263, М., 2010 г.
264. И.Л.Ходов. Изменение условий экспорта российского газа в Германию. ДИЕ РАН, № 264, М., 2010 г.
265. М.Г.Носов. Европа и Азия: экономика, политика, безопасность. ДИЕ РАН, № 265, М., 2010 г.
266. Валютные войны: мифы и реальность. *Материалы круглого стола, 2 декабря 2010 г.* ИЕ РАН, № 266, М., 2011 г.
267. Германия. 2010. Под ред. В.Б.Белова. ДИЕ РАН, № 267, М., 2011 г.
268. От рисков нестабильности к устойчивому развитию. Часть I. Глобальные проблемы и Европа. Под ред. Т.Т.Тимофеева, Ал.А. Громыко и др. ДИЕ РАН, № 268, М., 2011 г.
269. От рисков нестабильности к устойчивому развитию. Часть II. Дилеммы мультикультурализма и национализма. Под ред. Т.Т.Тимофеева, Ал.А. Громыко и др. ДИЕ РАН, № 269, М., 2011 г.
270. Коалиционное правительство Великобритании – год после выборов. Под ред. Ал.А. Громыко и др. ДИЕ РАН, № 270, М., 2011 г.
271. В.Б.Белов, Ю.А.Борко, В.С.Циренщиков. Роль торговой политики ЕС в инновационном развитии. ДИЕ РАН, № 271, М., 2011 г.
272. К.Н.Гусев. Иностранные инвестиции и инновационное развитие экономики в современных условиях. ДИЕ РАН, № 272, М., 2011 г.
273. В.И.Мироненко. Политическое влияние России на Украине (1991–2011 гг.). ДИЕ РАН, № 273, М., 2011 г.
274. Мир XXI века: сценарии будущего для России. Под ред. Ал. А.Громыко и др. ДИЕ РАН, № 274, М., 2011 г.
275. Н.П.Шмелёв, В.П.Фёдоров. Евросоюз – Россия: мера сотрудничества. ДИЕ РАН, № 275, М., 2012 г.
276. Долговой кризис в ЕС и перспективы евро. *Материалы круглого стола, 19 октября 2011 г.* ДИЕ РАН, № 276, М., 2012 г.
277. С.М.Фёдоров. Франция в новых геополитических условиях Европы XXI века. ДИЕ РАН, № 277, М., 2012 г.
278. Н.М. Антюшина. Арктический вызов для национальной и международной политики. ДИЕ РАН, № 278, М., 2012 г.
279. Германия. 2011. Под ред. В.Б.Белова. ДИЕ РАН, № 279, М., 2012 г.
280. Британия в кризисе: тактические меры и стратегические цели. Под ред. Ал.А.Громыко и др. ДИЕ РАН, № 280, М., 2012 г.

«Reports of Institute of Europe» published in 2010–2012

263. The fight with corruption: European experience. Ed. by M.G.Nosov and others. Reports of the IE RAS, № 263, M., 2010.
264. I.L.Khodov. Russian gas in Germany. Change of export conditions. Reports of the IE RAS, № 264, M., 2010.
265. M.G.Nosov. Europe and Asia: economy, politics, security. Reports of the IE RAS, № 265, M., 2010.
266. Currency wars: myths and reality. *Materials of the round table, December 2, 2010*. Reports of the IE RAS, № 266, M., 2011.
267. Germany. 2010. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, № 267, M., 2011.
268. From risks of instability to sustainable development. Part I. Global problems and Europe. Ed. by T.T.Timofeev, Al.A.Gromyko and others. Reports of the IE RAS, № 268, M., 2011.
269. From risks of instability to sustainable development. Part II. Dilemmas of multiculturalism and nationalism. Ed. by T.T.Timofeev, Al.A.Gromyko and others. Reports of the IE RAS, № 269, M., 2011.
270. The UK coalition government – a year after. Ed. by Al.A.Gromyko and others. Reports of the IE RAS, № 270, M., 2011.
271. V.B.Belov, Yu.A.Borko, V.S.Tsirenshchikov. The role of the EU trade policy in innovative development. Reports of the IE RAS, № 271, M., 2011.
272. K.N.Gusev. Foreign investments and innovative economic development. Reports of the IE RAS, № 272, M., 2011.
273. V.I.Mironenko. Russian political influence in Ukraine (1991–2010). Reports of the IE RAS, № 273, M., 2011.
274. The World in the XXI century: Scenarios for Russia. Ed. by Al.A. Gromyko and others. Reports of the IE RAS, № 274, M., 2011.
275. N.P.Shmelev, V.P.Fyodorov. The EU – Russia: a Measure of Cooperation. Reports of the IE RAS, № 275, M., 2012.
276. The debt crisis in the EU and prospects for the euro. Materials of the round table, October 19, 2011. Reports of the IE RAS, № 276, M., 2012.
277. S.M.Fedorov. France in the new geopolitical conditions of XXI century's Europe. Reports of the IE RAS, № 277, M., 2012.
278. N.M.Antyushina. Arctic Challenges for the National and International Policy. Reports of the IE RAS, № 278, M., 2012.
279. Germany. 2011. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, № 279, M., 2011.
280. Britain in crisis: tactical measures and strategical goals. Ed. by Al.A.Gromyko and others. Reports of the IE RAS, № 280, M., 2012.